Б. КАМКОВЪ.

ОТДЕЛ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

ВОЙНА

и

НѢМЕЦКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

(КРИЗИСЪ ДОГМАТИЧЕСКАГО СОЦІАЛИЗМА).

1 руб.

8G.45
K181

1917.

Книгоиздательство «Революціонный Соціализмъ».

Тип. т-ва И. Н. Лебедевъ и Н. Л. Деморейкъ.

K181

5836

К181

Фонд редких изданий

ВОЙНА
и
НѢМЕЦКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

(Кризисъ догматическаго соціализма).

5836/1

Б. Камкова.

Библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Введеніе.

1) Гегемонія нѣмецкой соціальдемократіи во Второмъ Интернаціоналѣ.
2) Нѣмецкая соціальдемократія въ чистомъ видѣ представляла сущность соціальдемократіи какъ таковой.
3) Идейный патронатъ германской соціальдемократіи продолжается и понынѣ.
4) Она создала какъ теорію соціалъ-имперіализма, такъ и теорію „марксистскаго максимализма".
5) Въ ней ярче обнаружились симптомы не только тактическаго, но и глубокаго идеологическаго кризиса.

I.

Фиктивныя и реальныя причины кризиса.

1) Кризисъ соціализма объясняется въ первую голову неблагопріятными объективными условіями, противоборствующими соціалистическому движенію, т. е. тенденціями самого капитализма.
2) Этимъ однако не элиминируется вопросъ объ идеологической отвѣтственности господствовавшаго міровоззрѣнія.
3) Отказъ отъ установленія идеологической отвѣтственности равносиленъ санкціи практики ренегатства и измѣны.
4) Лишь немногіе изъ марксистовъ подымаются въ своей критической оцѣнкѣ прошлаго до нужныхъ высотъ.
5) Въ большинствѣ случаевъ марксистская критика бродитъ вокругъ да около роковыхъ вопросовъ.
6) Негодность старыхъ шаблоновъ: „ревизіонизмъ"—„радикализмъ".
7) Вся нѣмецкая соц.-д—ія была пропитана духомъ „поссибилизма".
8) „Объективизмъ" Жореса и сугубый „субъективизмъ" марксистовъ.
9) Причины кризиса не въ томъ, что разъединяло нѣмецкую соціалъ-демократію, а въ томъ, что сближало отдѣльныя ея части.
10) Идеологическими корнями своими кризисъ уходитъ далеко за традиціонное дѣленіе соціалъ-демократіи на „радикаловъ" и „ревизіонистовъ".
11) Грѣхи марксистской исторіософіи и соціологіи.

II.

Органическіе недуги.

1) „Экономическій матеріализмъ“—антитеза крайнему идеализму.
2) Полное отрицаніе самостоятельнаго значенія за идеологическими факторами.
3) „Экономика“ заняла мѣсто гегелевской „идеи“.
4) На основѣ модифицированнаго гегеліанства была построена вся схема капиталистической эволюціи.
5) Она опредѣляла собою тактику марксистскаго соціализма.
6) *Соціальный фатализмъ.*
7) Расхожденія по этому признаку: „критическіе народники“ и „марксисты“.
8) Расхожденіе на этой почвѣ въ вопросахъ „милитаризма“.
9) Жоресъ какъ выразитель взглядовъ критическаго соціализма.
10) Побѣда марксистовъ на Штутгардскомъ конгрессѣ.
11) Комментаріи Л. Мартова.
12) *Соціальный оптимизмъ.*
13) Переоцѣнка творчески-созидательныхъ сторонъ капиталистической эволюціи.
14) Объективный телеологизмъ.
15) Оптимистическій прогнозъ—не результатъ анализа, а апріорная, предвзятая точка зрѣнія.
16) Соціализмъ не заданіе трудящихся, а предопредѣленный финалъ діалектической игры стихійной эволюціи.
17) Факторы этой эволюціи.
18) Марксизмъ—революціонная концепція лишь въ весьма условномъ смыслѣ.

III.

Логика соціалъ-имперіализма.

1) Марксизмъ сумѣлъ создать стройную теорію соціалъ-имперіализма.
2) Теорія эта—дитя „діалектическаго матеріализма“.
3) „Имперіализмъ“—естественная стадія капитализма.
4) Непригодность моральныхъ оцѣнокъ.
5) Авторитетныя ссылки на Энгельса.
6) „Логика всегда права въ тяжбѣ съ идеологіей“.
7) Куновъ о понятіи исторической необходимости.
8) Имперіализмъ—высшая стадія капитализма.
9) Лишь имперіализмъ создастъ объективныя предпосылки для соціализма.
10) „Пріятіе“ имперіализма и использованіе его въ интересахъ рабочаго класса.
11) Не покидая марксистскаго метода и марксистской исторіософіи, нельзя теоретически бороться съ соціалъ-имперіализмомъ.
12) Какъ быть при столкновеніи двухъ конкурирующихъ имперіализмовъ?
13) Объективный критерій для марксистской ориентаціи — рост производительныхъ силъ.
14) Современная война вызвана въ первую голову соперничествомъ англо-французскаго „имперіализмовъ“ съ одной стороны, германскаго—съ другой.

15) Взглядъ Ленча (въ 1912 г.) на характеръ англійскаго и германскаго империализмовъ.
16) „Консеквентное“ поведеніе Ленча сейчасъ.
17) Борьба германской оппозиціи — „бунтъ ретроградныхъ элементовъ— противъ историческаго развитія“.
18) Неуязвимость соціалъ-имперіалисткой концепціи средствами марксистской исторіософіи.

IV.

Идеологическая интерпретація имперіализма.

1) Имперіализмъ—„видъ капиталистической *политики*“.
2) Взгляды — Каутскаго, Гильфердинга, Карла Реннера, Макса Адлера.
3) Путешествіе изъ „базы“ въ „надстройку“.
4) Значеніе „надстройки“ въ марксистской концепціи.
5) Имперіализмъ и „тенденціи“ экономическаго развитія.
6) Индивидуальная характеристика переживаемой эпохи.
7) Полемика Каутскаго съ Куновымъ.
8) Взглядъ Кунова на колоніальную политику „манчестерства“.
9) Взглядъ его на колоніальную политику „финансоваго капитализма“.
10) Упрощенный взглядъ Каутскаго на характеръ современной войны.
11) Истинный характеръ современной войны.
12) Относительная зависимость между національнымъ капиталомъ и національнымъ трудомъ.
13) Ростъ этой зависимости съ ростомъ капитализма.
14) „Политическій монизмъ“ какъ симптомъ идеологической растерянности.

V.

Марксистскій максимализмъ.

1) Имперіализмъ въ роли „разрушителя производительныхъ силъ“.
2) Экономическая эволюція капитализма къ соціализму—закончена.
3) Воззрѣнія Iunius'a, Гортера и др.
4) Преодолѣніе традиціоннаго тактическаго дуализма.
5) Мнѣніе Каутскаго.
6) Новая „догма“.
7) Посылки „максимализма“ бездоказательны.
8) Схоластическій характеръ спора.
9) Ложный взглядъ на характеръ исторической эволюціи.
10) Соціальный „плюрализмъ“.
11) Произвольное дѣленіе капиталистической эволюціи на двѣ принципіально различныя фазы.
12) Современная война—прелюдія къ циклу имперіалистическихъ войнъ.
13) Мнѣнія Ролландъ-Гольстъ и Ганса Дейтша.
14) Противорѣчивая позиція „Linksradikale“.
15) Теоретическая путаница: Карлъ Зейцъ.
16) Власть умственной инерціи.

VI.

Правый ревизіонизмъ.

1) „Ревизіонизмъ“—идеологическій рефлексъ реальнаго положенія вещей во всей нѣмецкой соціалъ-демократіи.
2) „Ревизіонизмъ“ установилъ равновѣсіе между теоріей и практикой.
3) Эпоха ультраоптимистическихъ чаяній соціалъ-демократіи.
4) Разочарованія.
5) „Ревизіонизмъ“ какъ теорія органической эволюціи.
6) Положительная миссія „ревизіонизма“.
7) Вѣрность „ревизіонизма“ основамъ марксизма.
8) Сомнѣнія на счетъ „темпа“ развитія.
6) Вопросъ о „темпѣ“ является опредѣляющимъ при выработкѣ „научной“ тактики.
10) Мнѣніе Бебеля.
11) „Реформизмъ“—„научная тактика“ марксизма.
12) Кризисъ революціонныхъ надеждъ. Скептицизмъ и индифферентизмъ.
13) Притупленіе чувства классоваго идеализма.
14) Господство „добропорядочной годности“.
15) Побѣда „реформизма“ по всему фронту.
16) Признакъ „радикализма“—ничѣмъ неоправданный оптимизмъ.
17) Выступленія Либкнехта и Бебеля.
18) „Фаталистическій оптимизмъ“ исключаетъ политическую активность.
19) „Радикализмъ“ былъ въ дѣйствительности непослѣдовательнымъ реформизмомъ.
20) Полемика Бебеля съ Фольмаромъ на Дрезденскомъ Партейтагѣ.
21) Вся нѣмецкая соціалъ-демократія на стражѣ тактическаго оппортунизма.
22) Бебель на стражѣ „реальной политики“.
23) Вырожденіе партіи.

VII.

Лѣвый ревизіонизмъ.

1) Шагъ впередъ отъ праваго ревизіонизма.
2) Рудольфъ Гильфердингъ—родоначальникъ лѣваго ревизіонизма.
3) „Недіалектическое“ развитіе капитализма.
4) Преодолѣніе индивидуально-анархической природы капитализма.
5) Переходъ „промышленнаго капитализма“ въ „финансовый капитализмъ“.
6) Характерныя черты послѣдняго.
7) Теорія саморазрушенія капитализма—„Nonsens“.
8) Недооцѣнка Марксомъ и его учениками отрицательныхъ сторонъ капиталистической эволюціи.
9) Мнѣнія: Гильфердинга, Ролландъ-Гольсть, Реннера, Каутскаго.
10) Подчеркиваніе *динамическаго* начала въ историческомъ процессѣ.
11) Роль „классового идеализма“.
12) Пересмотръ понятія „необходимости“ примѣнительно къ творческой природѣ исторической эволюціи.
13) Исторія знаетъ не „необходимость“, а „возможность“ и „вѣроятность“.
14) „Исторія не права, а права наша идеологія“.
15) „Исторія не фатумъ для людей, а ихъ произведеніе“.

16) Причины идеологическаго кризиса марксизма.

17) Гипостазированіе „тенденцій“ развитія.

18) „Историческая необходимость“ характеризуется своимъ „трансисторическимъ, переходящимъ значеніемъ“.

19) Правильный взглядъ на природу имперіализма.

20) Куновъ—жертва историческаго фатализма.

21) Грѣхи „концепціи“.

VIII.

Перспективы.

1) Рожденіе третьяго революціоннаго Интернаціанала.

2) Русская революція и ея международное значеніе.

„Не Интернаціоналу, а въ первую голову нѣмецкой соціальдемократіи нанесенъ сейчасъ ударъ".

(*Fr. Adler*, Der Kampf, 1915, № 1, S. 35.

Введеніе.

Нѣмецкая соціальдемократія интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ не какъ одинъ изъ отрядовъ интернаціональной арміи труда, не въ своихъ отличительныхъ, „національныхъ" признакахъ, а какъ колыбель того міровоззрѣнія, которое являлось властнымъ гегемономъ во Второмъ Интернаціоналѣ, почти полностью характеризовало теорію и практику соціализма въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, ставило вѣхи международному рабочему движенію.

Разобравшись въ причинахъ кризиса нѣмецкой соціальдемократіи, мы тѣмъ самымъ — съ извѣстными ограниченіями и незначительными исключеніями — получимъ представленіе о причинахъ кризиса соціализма во всѣхъ странахъ, о причинахъ кризиса — Интернаціонала.

И это не только потому, что нѣмецкая соціальдемократія цѣлыя десятилѣтія шла во главѣ соціальдемократическаго движенія всѣхъ народовъ, что нигдѣ такъ ярко какъ у нея не выявились симптомы болѣзни, — сколько потому, что она всегда являлась хранительницей завѣтовъ „научнаго соціализма", что она духовно питала всѣ секціи Второго Интернаціонала, шедшія подъ знакомъ марксизма, что въ ней — какъ удачно выразился Фридрихъ Адлеръ — „представленъ въ самомъ чистомъ видѣ, безъ всякихъ инородныхъ примѣсей сущность соціальдемократіи какъ таковой" [1]).

Парадоксальное, отдающее непріятнымъ запахомъ національной самовлюбленности заявленіе Паула Ленча: „весь Второй Интернаціоналъ представлялъ собою за вычетомъ германской соціальдемократіи кучу убогихъ обрубковъ" [2]),— заявленіе это, къ сожаленію не лишено своего печальнаго смысла, если только имѣть въ виду не политическую, а идеологическую сторону движенія, если только отмыслить немногія немарксистскія секціи международнаго соціализма.

Второй Интернаціоналъ — дѣтище нѣмецкой соціальдемократіи. Идейный патронатъ ея создалъ себѣ столь прочную и почетную традицію, что даже въ переживаемый нами моментъ мірового кризиса соціализма и самыхъ причудливыхъ перегруппировокъ соціалистическихъ партій онъ не поколебленъ.

Казалось бы, кому больше проявлять независимости отъ теоретическихъ изысканій г.г. Кунова, Ленча, Давида, Гениша и др. глашатаевъ германскаго „соціалъ-имперіализма", какъ не нашимъ отечественнымъ „Платонамъ", зачислившимъ съ легкой руки Плеханова весь германскій пролетаріатъ въ категорію „эксплуататоровъ" „союзниковъ германскихъ феодаловъ и германской буржуазіи"? — Тѣмъ не менѣе они этой самостоятельности не только не проявляютъ, но не въ силахъ выдвинуть въ пользу своей „оріентаціи" буквально ни одного аргумента, который — mutatis mutandis — уже не былъ бы использованъ ихъ германскими коллегами.

Также для познанія противоположнаго — интернаціонально оріентирующагося — теченія въ марксизмѣ, теченія, получившаго въ русской литературѣ кличку „марксистскаго максимализма" — лучше имѣть дѣло не съ болѣе или менѣе удачными копіями, а съ оригиналомъ.

---

[1]) *Fr. Adler*, die Soz. in Deut. «D. Kampf» 1915, Nr. 1, S. 34.
[2]) *Paul Lensch*, «Die Soz. ihr Ende und ihr Glück», Leipzig, S. 99.

Итакъ, всѣ пути ведутъ въ марксистскій „Римъ“: въ идейную лабораторію нѣмецкой соціальдемократіи.

Здѣсь легче всего также обнаруживается, что соціализмъ переживаетъ сейчасъ не только тактическій, но и глубокаго значенія идеологическій кризисъ; что въ порядкѣ дня стоитъ переоцѣнка цѣлаго ряда теоретическихъ цѣнностей, которыя въ силу умственной инерціи и господства догматическаго мышленія надъ критическимъ, незаконно пользовались почти общимъ признаніемъ.

I

Фиктивныя и реальныя причины кризиса.

Говоря объ идеологическомъ кризисѣ господствовавшаго во второмъ Интернаціоналѣ міровоззрѣнія, мы, конечно, далеки отъ мысли, что катастрофу, которую переживаетъ соціализмъ можно всецѣло, объяснить теоретическими грѣхами марксизма, что только въ немъ должно искать корни распада величественнаго зданія Интернаціонала, превращенія его, по крылатому выраженію „бывшаго человѣка“—Густава Эрве, въ кучу муссора.

Меньше чѣмъ кто бы то ни былъ склонны мы соц.-революціонеры отрицать наличность неблагопріятныхъ, *объективныхъ* условій развитія соціалистическаго движенія, отрицать наличность заложенныхъ въ самомъ капитализмѣ тенденцій, противоборствующихъ безболѣзненному росту рабочаго движенія въ духѣ международныхъ, дѣйственно—интернаціональныхъ заданій демократіи.

Но съ другой стороны—мы такъ же мало склонны безпомощно склонить голову передъ печальнымъ фактомъ исторіи и совершенно исключить вопросъ объ идеологической отвѣтственности господствовавшаго міровоззрѣнія. И не ретроспективнымъ, „заднимъ умомъ“ пришли мы къ этому. Еще задолго до войны, почти у колыбели марксизма, „критическій соціализмъ“ отмѣтилъ тенденцію его смотрѣть на міръ сквозь оптимистически—фаталистическіе очки, сильно переоцѣнивать творчески—созидательныя стороны капиталистической эволюціи, не дооцѣнивая ея разрушительно—дезорганизующихъ сторонъ.

Впрочемъ, не только мы считаемъ ложныя теоретическія воззрѣнія соціализма—и воспитаніе въ ихъ духѣ рабочихъ массъ—активными сообщниками современнаго кризиса. Какъ бы нивелировка идеологическихъ моментовъ не звучала по марксистски—на этотъ путь вынуждаются стать и соціалдемократы всѣхъ странъ, поскольку они не санкціонируютъ современнаго положенія вещей, поскольку не возводятъ въ перлъ созданія печальную практику измѣны и ренегатства.

Но только немногіе изъ марксистовъ подымаются въ критическомъ пересмотрѣ стараго идейнаго арсенала до нужныхъ высотъ, только немногіе рѣшаются ставить подъ знакъ вопроса цѣнности, которыя до сихъ поръ считались регулятивными, непреложными истинами „научнаго соціализма“.

Нужно воистину идейное безстрашіе В. Базарова, чтобы открыто признать, „что въ традиціонной марксистской оцѣнкѣ Интернаціонала была какая то существенная ошибка и, быть можетъ не одна“; „что война явилась великимъ историческимъ экзаменомъ для европейской демократіи, для созданныхъ ею организацій и учрежденій, для вдохновляющихъ ее идей, настроеній и задачъ“, что быть можетъ „сама теорія, выводящая сознаніе изъ бытья“, нуждается въ провѣркѣ. [1])

Въ большинствѣ же случаевъ марксистская критика, поскольку она подходитъ къ намѣченной нами проблемѣ, обречена на безплодіе, ибо апріорно считаетъ базу своего міровоззрѣнія не подлежащей критикѣ и поэтому бродитъ

[1]) *В. Базаровъ.* «Упрощеніе мысли» «Лѣтопись», Февр. 1916, стр. 163 сл.

вокругъ да около вскрытыхъ собственной зрѣлостью идейныхъ гнойниковъ, порой слегка оцарапывая ихъ. но не запуская въ нихъ глубоко хирургическаго ланцета.

Даже такія признанія, какія напримѣръ, сдѣлалъ въ „Neue Zeit“ Штребель, его компетентныя завѣренія, что марксистская „Musterpartei“ (партія-образецъ) „разучилась самостоятельно разсуждать и думать,“ „что теорія. къ сожалѣнію, очень часто оставалась чуждымъ соціалистической практикѣ элементомъ“ и т. д. даже они, оказываются, ни къ чему не обязываютъ. Съ необыкновенной легкостью перепрыгиваетъ онъ черезъ всѣ непріятныя преграды, чтобы скорѣе выйти на торную дорогу обвиненія во всѣхъ грѣхахъ смертныхъ бернштейніанскаго ревизіонизма,—дорогу гдѣ его ждетъ цѣлая армія такихъ же легковѣсныхъ „критиковъ“. Имъ—море по колѣно. Ихъ не смущаетъ даже то обстоятельство, что борьба съ ревизіонизмомъ велась уже десятки лѣтъ до развала Интернаціонала, что „ортодоксы“ изъ года въ годъ разбивали „бернштейніанство“ на голову и торжественно хоронили, что оно, какъ побѣдоносно заявилъ однажды Каутскій, „жило лишь въ политическихъ кунсткамерахъ“. [1])

На уровнѣ такой критики прошлаго находятся и рекомендуемыя средства для изжитія разрухи въ настоящемъ и будущемъ. Исцѣленія ждетъ Штребель—а имя ему легіонъ—отъ „особой безпощадности“ въ борьбѣ съ ревизіонизмомъ, т. е. отъ усиленія *теоретической кампаніи* во имя старыхъ догмъ, часто потерявшихъ всякій научный кредитъ, кампаніи, въ которой и до сихъ поръ недостатка не было, которой скорѣе даже злоупотребляли.

Чего не было—это энергичной, не словесной, а *дѣйственной* борьбы съ оппортунизмомъ, противопоставленія творчески-активной практики практикѣ реформизма, политическаго поссибилизма. Но этого меньше всего можно ожидать отъ усиленія порціи старыхъ, набившихъ аскомину, схоластическихъ интерпретацій священнаго писанія соціализма, – интерпретацій, которыя замѣняли живую мысль, которыя въ равной степени были пропитаны трупнымъ запахомъ и у такъ наз. „радикаловъ“ и у „ревизіонистовъ“.

Если раньше борьба между „радикалами“ и „ревизіонистами“ могла еще кое-кому казаться крайне важной и въ практическомъ смыслѣ, то сейчасъ, поскольку сохраняется старый предметъ спора, она явно несетъ искуственный, вымученный характеръ; продолжается отчасти въ силу умственной инерціи, отчасти съ сознательной цѣлью удержать на авансценѣ знакомаго всѣмъ „Prügelknabe“—ревизіонизмъ и такимъ образомъ отодвинуть на задній планъ болѣе щекотливыя и актуальныя проблемы теоріи и практики соціализма.

Еще задолго до войны и обнаружившагося въ связи съ ней неблагополучія нѣмецкаго рабочаго движенія было ясно, что въ теоретическомъ пересмотрѣ доктрины Маркса, должно видѣть не угрозу революціонному духу соціализма, а лишь весьма законную критику многихъ обобщеній, сдѣланныхъ Марксомъ и Энгельсомъ. Тотъ же фактъ, что германскій ревизіонизмъ пришелъ къ цѣлому ряду крайне оппортунистическихъ тактическихъ выводовъ уже по одному тому нельзя было отнести за счетъ ревизіонизма, какъ такового, что *вся* нѣмецкая соціалъ-демократія на практикѣ была—партіей *реформистской*, порой въ худшемъ смыслѣ этого слова, что *вся она* насквозь была пропитана духомъ легализма и политическаго примиренчества.

Только для тѣхъ, кто отучился различать фразу отъ дѣла, кто изъ за деревьевъ лѣса не видѣлъ, кто пребывалъ въ молитвенномъ отношеніи къ „партіи-образцу“,—только для тѣхъ остался скрытымъ подлинный характеръ нѣмецкой соціалъ-демократіи.

---

[1]) *К. Каутскій*. «Этика и Мат. П. Ист.» Пред. Изд. «Путь». «Ревизіонисму» посвящена въ этой работѣ VI глава.

Вѣдь не случайно то, что Жоресъ уже въ 1904 г., за десять лѣтъ до трагическихъ дней августа 1914 г., прекрасно понималъ реальное положеніе вещей въ германской партіи, въ то время какъ марксисты всѣхъ странъ витали въ сферѣ субъективныхъ пристрастій и преувеличеній до самыхъ послѣднихъ дней, гдѣ „тайное“ стало и для слѣпыхъ явнымъ, до 4-го Авг. 1914 г.!

Нужно только сопоставить слова Жореса на Амстердамскомъ конгрессѣ съ покаянными признаніями Плеханова послѣ вотума фракціей рейхстага военныхъ кредитовъ, чтобы воочію убѣдиться сколько трезво могъ смотрѣть на вещи представитель „субъективнаго“ соціализма и въ какой степени было атрофировано чутье *объективнаго* у потентованныхъ представителей „научнаго объективизма“.

„Что тяжелымъ бременемъ—гов. Жоресъ—лежитъ на Европѣ и на всемъ мірѣ; что стоитъ на пути къ сохраненію мира, обезпеченію политическихъ свободъ, росту соціализма и вліянію рабочаго класса; что тормозитъ политическій и соціальный прогрессъ Европы и всего міра—это *политическая немощь* нѣмецкой соціалъ-демократіи: она не знаетъ ни революціонной, ни парламентской дѣятельности...“

А вотъ въ pendent къ этому умонастроеніе Плеханова: „Въ авангардѣ международной арміи пролетаріата шла нѣмецкая соціаль-демократія. Всѣ мы, соціальдемократы другихъ странъ, гордились ея успѣхами, всѣ мы возлагали на нее самыя большія надежды. Мы считали ее *наиболѣе революціонной* силой нашего историческаго періода“. „До самаго конца Іюля“ 1914 г. онъ пребывалъ „въ непоколебимой увѣренности, что германская соціальдемократія останется вѣрной своей революціонной природѣ и совершитъ максимумъ возможнаго въ данное время революціоннаго дѣла“ [1]).

Если бы Жоресъ дожилъ до 4-го Авг., онъ могъ съ полнымъ правомъ воскликнуть: „Увы, произошло именно то, что я ожидалъ, что предчувствовалъ всѣми фибрами души своей“. Плеханову выпала сомнительная честь воскликнуть: „Увы, произошло не то“. Не то, что онъ и всѣ марксисты ожидали вплоть „до самого конца Іюля“ 1914 г...

Тѣмъ не менѣе этотъ богатый опытъ перманентныхъ заблужденій оказался недостаточнымъ стимуломъ для свободнаго отъ старыхъ шаблоновъ анализа положенія вещей. Выдавъ себѣ testimonium paupertatis на предметъ прозорливости въ прошломъ, Плехановъ „ничтоже сумняшеся“ сѣдлаетъ стараго конька, заведшаго его въ трясину, и снова пророчетъ: „нынѣшнее поведеніе германской соціальдемократіи представляетъ собою величайшее торжество того оппортюнизма, который уже съ конца прошлаго столѣтія „пересматриваетъ“ революціонное ученіе Маркса и Энгельса. „Пересмотръ“ начался съ теоретическихъ основъ этого ученія, а закончился отверженіемъ вытекавшихъ изъ нихъ практическихъ революціонныхъ выводовъ. Это было вполнѣ естественно и неизбѣжно“ [2]).

Но если „это было вполнѣ естественно и неизбѣжно“ для ревизіонистовъ, то по правиламъ формальной логики для „радикаловъ“, т. е. подавляющаго большинства партіи, „вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ“ было бы обратное поведеніе [3]). Почему же *вся* нѣмецкая соціальдемократія, вся — за самими рѣдкими, единичными исключеніями — не оправдала розовыхъ надеждъ марксистовъ „другихъ странъ“?

А потому, что на практикѣ „радикала“ отъ „ревизіониста“ бывало трудно отличить порой даже подъ микроскопомъ, что ихъ въ дѣйствительности раздѣляли вопросы академическаго характера: „reine Doktorfragen“ — какъ любилъ выражаться Эд. Бернштейнъ.

---

[1]) *Г. Плехановъ.* Сборникъ «о войнѣ»

[2]) Ук. соч.

[3]) Мы не касаемся здѣсь весьма щекотливаго вопроса, что *было бы* для самого Г. В. Плеханова «вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ»!

При анализѣ причинъ переживаемаго кризиса „нужно совершенно отдѣлаться отъ традиціонныхъ представленій о характерѣ противорѣчій между такъ наз. радикалами и такъ наз. ревизіонистами. Эти трафаретныя дѣленія — говоритъ неуступавшій до войны никому въ „радикализмѣ“ Конрадъ Геништъ — можно спокойно оставить въ сторонѣ, ибо вооружившись старыми критеріями мы будемъ безсильны сдѣлать даже одинъ шагъ впередъ [1]).

Чтобы окончательно убѣдиться въ правдивости этихъ словъ достаточно посмотрѣть на ту колоссальную перетасовку, которую произвела война въ рядахъ „радикаловъ“ и „ревизіонистовъ“, на созданное ею смѣшеніе языковъ.

Когда подъ вліяніемъ исключительныхъ событій переживаемаго времени идетъ дѣйствительный, а не фиктивный отборъ радикально-соціалистическихъ элементовъ, мы на крайне правомъ крылѣ нѣмецкой соціальдемократіи находимъ извѣстнаго „радикала“, одного изъ самыхъ крупныхъ теоретиковъ ортодоксальнаго марксизма, преподавателя въ партійной школѣ и редактора „Vorwärts“ — Генриха Кунова; бывшаго редактора „Leipziger-Volkszeitung“ — Паула Ленча; члена прусскаго Ландтага, близкаго друга Меринга и Либкнехта — Конрада Гениша; делегата „радикальнаго“ эрфуртскаго округа и секретаря центральной комиссіи по народному образованію, бывшаго редактора крайне радикальной газеты „Bremer Bürger-Zeitung“ — Генриха Шульца; члена рейхстага, бывшаго кандидата г. Лейпцига, сотоварища по направленію Паннекука и Ленча — Макса Когена; прозваннаго „маленькимъ Каутскимъ“ — Макса Грюнвальда; ультра-радикальнаго Венделя и многихъ, многихъ другихъ извѣстныхъ, мало извѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ дѣятелей ортодоксальнаго крыла марксизма, главныхъ „отлучителей“ на всѣхъ партейтагахъ ревизіонистовъ за ихъ откровенный оппортюнизмъ.

Вся эта компанія, когда дѣло приняло исключительно серьезный оборотъ, когда на карту были поставлены основныя и священнѣйшія цѣнности соціализма, съ легкостью балерины перепрыгнула съ одной позиціи на другую; въ объятія Зюдекума и Шейдемана.

Съ другой стороны въ „оппозиціи“ рука объ руку съ Каутскимъ подвигается и Эд. Бернштейнъ, отецъ и родоначальникъ „ревизіонизма“; туда же пришелъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ публицистовъ—Куртъ Эйснеръ; туда же устремился такой ультра-реформистъ какъ Эд. Фишеръ, за нимъ, Авг. Эрдманъ и т. д.

Не лучше обстоитъ дѣло съ партійными газетами. Врядъ-ли кто повѣрилъ бы раньше, что два столь испробованныхъ въ „радикализмѣ“ органовъ, какъ „Hamburger Echo“ и „Schleswig-Holsteinsche Volkszeitung“ станутъ образчиками политическаго декаданса и соціалистической безпринципности.

Сейчасъ закладываются основы не фиктивныхъ, а реальныхъ дѣленій соціалистическаго лагеря и старые критеріи, которые пользовались такъ долго большимъ кредитомъ, потеряли всякое значеніе. „Безъ болѣе глубокаго проникновенія въ существо выдвинутыхъ проблемъ—справедливо замѣчаетъ Эд. Бернштейнъ—съ одними ходячими кличками „ревизіонизмъ“—„марксизмъ“—теперь уже многаго не сдѣлаешь“.

Капитулировали 4-го Авг. 1914 г. не батальоны, даже не корпуса германской рабочей арміи, а капитулировала вся милліонная армія in corpore, со своими генеральными штабами: центральнымъ комитетомъ партіи и фракціей рейхстага; со воимъ генералисимусомъ—Каутскимъ.

И причины такого неслыханнаго краха должно естественно искать не въ томъ, что раздѣляло германскую соціальдемократію, а въ томъ, что *сбли-*

---

[1]) *Konrad Haenisch,* Die deutsche Soz.-ie in und nach dem Kriege. Berlin 1916, S. 69,70.

жало всѣ ея разнородныя части, что ихъ роднило, равно парализовало и обрекло на роль заложниковъ при германской феодальной плутократіи и германской буржуазіи.

Поскольку законно изъ общей суммы причинъ кризиса соціализма выдѣлять причины чисто идеологическія, постольку для познанія ихъ нужно пойти далеко за предѣлы традиціонныхъ дѣленій нѣмецкихъ соціалистовъ на „радикаловъ“ и „ревизіонистовъ“, нужно рѣшительно приблизиться къ источнику, который идейно питалъ эти направленія: къ марксисткой соціологіи и исторіософіи.

II.

Органическіе недуги.

«Экономическій матеріализмъ“ родился и получилъ свое жизненное крещеніе какъ *антитеза* крайнему идеализму, какъ коррективъ тому міровоззрѣнію, которое совершенно оторвалось отъ матеріальной среды человѣческой культуры, упорно витало въ безвоздушныхъ пространствахъ, не находило никакого контакта съ реальной, эмпирической дѣйствительностью.

Въ порядкѣ дня стояла задача нащупать пульсъ живыхъ силъ историческаго прогресса; опредѣлить реальныхъ и потенціальныхъ носителей его въ періодъ вступавшаго въ свои права капитализма и замѣнить такимъ образомъ фантастическую перспективу какихъ то витающихъ высоко надъ всѣмъ соціальнымъ укладомъ и реализующихся въ этихъ надземныхъ пространствахъ „идей“ перспективой реальной классовой борьбы за новый соціально-экономическій право-порядокъ. Нужно было низвести „идею“ на ступень простого регулятивнаго принципа классовой политики.

Съ этой задачей маркизмъ справился бы весьма удачно, если бы не ударился въ противоположную крайность, не отрицалъ бы, заостряя всю концепцію въ негативную, анти-идеалистическую сторону, за идеологическими факторами самостоятельнаго творчески-созидательнаго значенія.

„Субъективная школа“, если и боролась противъ „экономическаго матеріализма“, то лишь постольку, поскольку здоровую въ основѣ мысль о большомъ значеніи экономическаго начала для всего уклада соціальной жизни облекали—эпигоны еще больше, чѣмъ сами учителя — во внѣимперическія, абсолютныя, явно метафизическія одѣянія; поскольку „экономика“ въ концѣ концовъ становилась на мѣсто гегелевской „идеи“, превращалась въ своеобразную первопричину историческаго процесса, въ его „natura naturans“, по отношенію къ которой все остальное являлось величиной производной—„natura naturata“.

Главнымъ же образомъ борьба шла не противъ этой сравнительно невинной схоластики. Она велась противъ того громаднаго сооруженія, которое было воздвигнуто на непрочномъ фундаментѣ слегка модифицированнаго гегеліантства, противъ начерченной Марксомъ и Энгельсомъ въ духѣ *объективнаго телеологизма* схемы капиталистической эволюціи.

Схема эта ставила вѣхи цѣлой полосѣ историческаго развитія, давала точный анализъ и прогнозъ динамики соціальныхъ превращеній въ эпоху господства капитала, *предопредѣляла тактику* марксистскаго соціализма.

Два момента характеризуютъ эту сторону такъ наз. „научнаго соціализма“.

1. Фаталистически окрашенный взглядъ на историческую эволюцію, какъ на процессъ, который предопредѣленъ во всѣхъ своихъ основныхъ стадіяхъ;

2. Крайне оптимистическая оцѣнка творчески-созидательныхъ сторонъ спеціально капиталистической стадіи развитія.

* * *

Взглядъ на историческую эволюцію, какъ на процессъ, который предопредѣленъ во всѣхъ своихъ основныхъ фазахъ нашелъ свое классическое выраженіе въ извѣстныхъ словахъ Маркса: „форма общественности никогда не исчезаетъ, пока не развились всѣ производительныя силы, которыя она можетъ вмѣстить; съ другой стороны ее не замѣняютъ новыя, высшія производственныя отношенія покуда въ нѣдрахъ стараго уклада, не созрѣли матеріальныя предпосылки ихъ существованія".

Къ этой мысли Марксъ и Энгельсъ возвращались часто, но нигдѣ, кажется, она не получила болѣе ясной и законченной формулировки.

По существу своему это есть перенесеніе эволюціоннаго принципа изъ естествознанія въ историческую науку, взглядъ на историческую эволюцію какъ на процессъ подчиненный неизмѣннымъ законамъ своего развитія, „Naturgesetzen", какъ любилъ выражаться Марксъ, или—„тенденціямъ", которыя „дѣйствуютъ и проявляются въ силу высшей необходимости", независимой отъ человѣческой воли и человѣческаго желанія [1]).

Воззрѣніе это поскольку его послѣдовательно и безстрашно проводить обязываетъ къ очень многому въ области практики, въ области *конкретной рабочей политики.*

Какъ бы болѣзненно съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса не протекалъ процессъ развитія капитализма, сколько бы жертвъ онъ не требовалъ, какое бы несчастье и разрушеніе не несъ—бороться съ нимъ и съ его *естественными* спутниками *не только безмысленно, но и реакціонно.* Ибо не будучи въ силахъ стать на пути „законнымъ тенденціямъ" его развитія, мы цѣпляясь за „колеса исторіи", лишь удлиняемъ этотъ неизбѣжный процессъ; отодвигаемъ моментъ всеспасающаго кризиса.

* * *

У насъ въ Россіи главнымъ образомъ на этой почвѣ произошло раздѣленіе соціалистическаго лагеря.

Марксисты, объявивъ капитализацію сельскаго хозяйства *естественной тенденціей капитализма,* не только уже ничего не дѣлали для огражденія, многомилліоннаго трудового крестьянства отъ разоренія и поглащенія его крестьянскими кулаками и болѣе высокой марки акулами эксплуатаціи, но считали своимъ соціалистическимъ долгомъ поддерживать всякое такое мѣропріятіе, видя въ этомъ шагъ впередъ на пути естественнаго развитія капитализма.

Критическій соціализмъ считалъ наоборотъ своимъ соціалистическимъ долгомъ итти діаметрально противоположной дорогой. Онъ несъ въ крестьянскую среду не проповѣдь подчиненія, точно Божьей карѣ, высшимъ законамъ судьбы, вписаннымъ въ „curriculum vitae" капитализма, а проповѣдь организованной борьбы съ нимъ подъ знакомъ конечныхъ достиженій демократіи.

Но отъ мѣстныхъ чисто русскихъ условій перейдемъ къ одной изъ проблемъ мірового значенія, къ вопросу о милитаризмѣ и войнѣ, и здѣсь мы увидимъ къ чему *на практикѣ* приводилъ пропитанный духомъ крайняго фатализма взглядъ на характеръ соціальной эволюціи вообще и капиталистической въ частности.

* * *

Принципіальному обсужденію вопросъ о милитаризмѣ былъ подвергнуть на штутгардскомъ конгрессѣ. Здѣсь впервые столкнулись два взгляда на милитаризмъ и возможность борьбы съ нимъ: взглядъ догматическаго соціализма, представленный марксистами всѣхъ странъ, и взглядъ критическаго соціализма, авторитетнымъ выразителемъ котораго былъ Жоресъ.

---

[1]) K. Marx, Kapital, Bd. I. Einl, II Afl.

Подходя ко всѣмъ вопросамъ путемъ анализа условій мѣста и времени съ цѣлью намѣтить линію активнаго, творческаго дѣйствія въ интересъ демократіи—Жоресъ и на Штутгардскомъ конгрессѣ былъ, естественно, занятъ не столько установленіемъ общеизвѣстныхъ, тревіальныхъ истинъ о природѣ и экономической подоплекѣ милитаризма, сколько исканіемъ средствъ его преодолѣнія. Не такъ посмотрѣли на дѣло марксисты.

Не только резолюція крайняго крыла французской партіи, была отклонена подавляющимъ числомъ марксистскихъ соціалистовъ, но и „дипломатическая" компромиссная резолюція самого Жореса. „Мы требуемъ—гласила она—отъ международнаго бюро и международной парламентской конференціи, чтобы они надлежащимъ образомъ подготовились, дабы въ случаѣ угрожающаго, международнаго конфликта, они могли принять для предупрежденія его соотвѣтствующія мѣры".

При чемъ поводомъ для отклоненія резолюціи служили не столько соображенія „утилитарно-партійнаго" характера, боязнь репрессій со стороны германскихъ, особенно прусскихъ властей, сколько соображенія высоко принципіальнаго характера. [1])

Фольмаръ отвѣчавшій отъ имени нѣмецкихъ соціалистовъ французамъ, объявилъ воззрѣнія послѣднихъ на милитаризмъ и войну „не только неразумными, но *принципіально* неправельными". Эту же „принципіальность" отстаивалъ затѣмъ вождь австрійскихъ марксистовъ *Викторъ Адлеръ*.

„Вопросъ идетъ, говорилъ онъ, не о спорѣ между Эрве и другими, а о противоположности между французскимъ и нѣмецкимъ методами выраженія антимилитарнаго характера соціализма... Соціалистическій антимилитаризмъ вытекаетъ во первыхъ—изъ пониманія политическаго и хозяйственнаго развитія вообще, во-вторыхъ—изъ международной солидарности пролетаріата. Онъ не ограничивается однимъ опредѣленнымъ дѣйствіемъ въ опредѣленный моментъ, а является составнымъ элементомъ великаго эмансипаціоннаго движенія" [2]).

Вопросъ о средствахъ борьбы съ милитаризмомъ устранялся, так. обр., ссылкой на „второе пришествіе" соціализма. Впрочемъ, въ марксистскомъ арсеналѣ оказался еще одинъ аргументъ противъ активной антимилитаристской политики. Выраженіе „si vis pacem para bellum" получило—говоритъ на томъ же конгрессѣ Викторъ Адлеръ—не то значеніе, которое ему придаютъ командующіе классы. Подготовляя войну *они на самомъ дѣлѣ подготовляютъ миръ*, потому что капиталистическій милитаризмъ несетъ въ себѣ *свое собственное отрицаніе*.

Итакъ: милитаризмъ съ одной стороны—*неизбѣженъ* и, слѣдовательно, *утопично* съ нимъ бороться; съ другой—развитіе милитаризма *прогрессивное*—явленіе, ибо несетъ въ себѣ свое собственное отрицаніе и бороться съ нимъ *реакціонно*. На лицо оба элемента разлагавшихъ міровоззрѣніе и парализовавшихъ волю: *фатализмъ* и *оптимизмъ*.

Напрасно *Роза Люксенбургъ*,—революціонный темпераментъ которой всегда бунтуетъ противъ эволюціонной теоріи марксизма,—напрасно она доказывала, что „діалектическое развитіе исторіи должно понимать вовсе не въ томъ смыслѣ,

---

[1]) Бебель крайне откровенно отъ имени «революціонной нѣмецкой соціальдемократіи» возводилъ въ принципъ такую партійную боязливость. «Если бы мы—гов. онъ въ своей, открывшей дебаты рѣчи—въ самомъ дѣлѣ захотѣли отказаться отъ строгаго *нейтралитета*, который мы принуждены соблюдать въ настоящее время, то надъ нами повисли бы всѣ параграфы уголовнаго уложенія». «мы не можемъ дать себя увлечь къ такимъ шагамъ, которые могли бы оказаться въ высшей степени опасными для всей партійной жизни, для самого существованія партіи».

[2]) Эту же мысль развивалъ Плехановъ еще на цюрихскомъ конгрессѣ въ 1893 г. «Нужно прежде всего твердо установить, гов. онъ, что корни войны внѣдрены въ самый капиталистическій способъ производства, если будетъ уничтоженъ капитализмъ, войны уничтожатся *сами собой*».

что „можно сложа руки жить, ожидая готовыхъ плодовъ жизни“, что „строить резолюцію на твердокаменныхъ принципахъ крайне опасно“ etc.,—ея голосъ былъ въ средѣ марксистовъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Закованные въ цѣпи фаталистическаго оптимизма они сидѣли съ видомъ людей, заглянувшихъ далеко впередъ въ „хитрую механику“ историческихъ превращеній, съ видомъ римскихъ понтифексовъ, хранящихъ какую-то великую тайну, недоступную „плебсу“.

„Принимая во вниманіе,—гласила резолюція французскихъ марксистовъ (гэдистовъ),—что милитаризмъ является *естественнымъ* и *неизбѣжнымъ* слѣдствіемъ капиталистическаго строя, опирающагося на классовыя противорѣчія; что милитаризмъ не можетъ быть уничтоженъ безъ устраненія его источниковъ—капиталистическаго строя; что средства, предназначенныя для борьбы съ милитаризмомъ... затрудняютъ пропаганду и привлеченіе новыхъ членовъ въ ряды соціалистическихъ партій,—конгрессъ заявляетъ: лучшимъ и при томъ единственно исполнимымъ и *неопаснымъ* средствомъ противъ милитаризма и для сохраненія мира является соціалистическая организація рабочихъ всего міра“.

Жоресъ дѣлалъ героическія усилія, чтобы столкнуть спокойныхъ „объективистовъ“ съ ихъ ложнаго пути. „Говорятъ,—замѣтилъ онъ въ своей рѣчи,—что борьба противъ войны безполезна, ибо капитализмъ по необходимости ее вызываетъ. Но совершенно такимъ же образомъ капитализму присуща тенденція неизмѣримо увеличивать эксплуатацію, неизмѣримо удлинять рабочее время. И все же мы боремся за восьмичасовой рабочій день. Далѣе намъ возражаютъ, что лучше вести борьбу съ самимъ капитализмомъ, создателемъ войны. Мы не останавливаемъ борьбы противъ капитализма. Но если мы сражаемся съ клерикализмомъ, который отдаетъ мозги рабочихъ во власть капитала, то мы должны сражаться и съ милитаризмомъ и войной, которые въ шовинизмѣ, ненависти и гнѣвѣ сталкиваютъ пролетаріевъ физически другъ съ другомъ“...

Побѣдила на Штутгардскомъ конгрессѣ, понятно... теорія „научнаго соціализма“.

Позиція Жореса не могла найти сочувствія у марксистовъ потому,—поясняетъ затѣмъ Л. Мартовъ,—что вождь французскихъ соціалистовъ „*игнорируетъ дѣйствительный ходъ развитія, противопоставляетъ ему сознательно проводимый „планъ“* соціалистической партіи“, является революціонеромъ „*субъективнаго метода*“.

Въ этихъ немногихъ словахъ дана почти исчерпывающая характеристика разногласій. Здѣсь догматическій соціализмъ показанъ своими самыми отрицательными, реакціонными сторонами. Здѣсь ясно видно какъ псевдонаучная соціальная философія, примѣненная къ актуальному вопросу рабочей политики можетъ послужить добавочнымъ стимуломъ пассивности и оппортунизма; какъ естественное тяготѣніе большихъ рабочихъ организацій къ реформизму, къ тактикѣ поссибилизма можетъ получить высокую „научную“ санкцію. Все что выходитъ за сферу бумажныхъ резолюцій и словеснаго фейерверка легко можетъ быть отнесено за счетъ „сознательно проводимаго плана соціалистической партіи“, всякое рѣшительное вмѣшательство въ стихійную эволюцію устранено ссылкой на „дѣйствительный ходъ развитія“.

Въ цитируемой нами статьѣ [1]) Л. Мартовъ иронически замѣчаетъ: для некритическаго (!) мышленія, требующаго немедленно „практическаго отвѣта“ на поставленныя жизнью проблемы „въ концѣ концовъ оказывается, что во всемъ виновата марксистская догма, во всемъ виновата слишкомъ ортодоксальная тактика“. Трудно, конечно, точно опредѣлить удѣльный вѣсъ той отвѣтственности за крахъ второго интернаціонала, который перепадаетъ на господствовавшую въ немъ идеологію, на обусловленный этимъ фактомъ „избытокъ марк-

[1]) Предисловіе къ проток. Штутгарт. конгресса.

сизма“ въ тактикѣ. Но одно несомнѣнно. Отвергая въ принципѣ возможность противопоставлять стихійному ходу развитія „сознательно проводимый планъ соціалистической партіи“, марксизмъ идеологически и практически подготовлялъ этотъ крахъ и тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ онъ былъ послѣдовательнѣе.

* * *

Одного сознанія предопредѣленности извѣстнаго пути капиталистическаго развитія, безсмысленности попытокъ мѣшать тенденціямъ его развитія,—одного этого сознанія мало, однако, чтобы не только подчиняться роковой судьбѣ, но брать на себя малоблагодарную въ каждый конкретный моментъ миссію „содѣйствовать“ безболѣзненному ходу и развитію капитализма. Для этого требуется нѣчто большее. И это „большее“, этотъ добавочный стимулъ для своей тактики марксисты находили, какъ мы уже бѣгло указали, въ своемъ лучезарномъ оптимизмѣ, въ *вѣрѣ*, что капитализмъ въ силу внутреннихъ, имманентныхъ законовъ своего развитія не только „себя отрицаетъ“, роетъ себѣ заживо могилу, но и создаетъ всѣ необходимыя положительныя условія для прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы. Это и есть вторая посылка, обусловившая дуалистическую тактику соціалъ-демократіи; та посылка, которую мы имѣли ввиду, когда говорили о переоцѣнкѣ марксизмомъ творчески созидательныхъ сторонъ капиталистической эволюціи.

Хотя историческій процессъ и представлялся Марксу и Энгельсу ирраціональнымъ, почти механическимъ, тѣмъ не менѣе они были твердо убѣждены, что все въ этомъ лучшемъ изъ міровъ направлено къ лучшему, что все движется, устремляется, порой даже бурно рвется, къ соціализму. Капиталистическая эволюція рисовалась, и даже разрисовывалась, въ самыхъ розовыхъ краскахъ торжественнаго шествія, хотя иногда и по человѣческимъ тѣламъ, но неизмѣнно къ свѣтлому, конечному идеалу трудовой демократіи [1]).

Соціализмъ мыслился, не какъ заданіе рабочаго класса, не какъ постулатъ сознанныхъ интересовъ и моральныхъ велѣній, а какъ неизбѣжный, предрѣшенный результатъ слѣпой игры силъ, какъ исторически предопредѣленный финалъ механическаго накопленія и обостренія цѣлаго ряда неразрѣшимыхъ въ предѣлахъ современнаго экономическаго уклада антагонизмовъ и противорѣчій.

Динамическими факторами такого стихійнаго устремленія капитализма къ соціализму должны были служить: во-первыхъ, перманентное поглощеніе мелкаго и средняго производства крупнымъ,—концентрація капиталовъ; во вторыхъ, параллельно идущее ухудшеніе условій труда, вплоть до превращенія представителей его въ „рабовъ“ современнаго общества.

Дѣйственное значеніе перваго фактора, естественно, должно было все время наростать по мѣрѣ исчезновенія промежуточныхъ классовъ и болѣе яркаго противопоставленія труда—капиталу; дѣйственное значеніе второго—по мѣрѣ усиленія соціальнаго контраста, увеличеніе пропасти экономическаго неравенства и несправедливости.

Ускоряющіеся въ темпѣ и увеличивающіеся въ силѣ экономическіе кри-

---

[1]) Что вѣра эта не явилась въ результатѣ объективнаго анализа фактовъ и условій опредѣлявшихъ судьбы развитія, а *предшествовала* такому анализу, предопредѣлила его результаты—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Критическая литература на это указывала уже давно. „Марксъ—гов. еще въ 1899 г. д-ръ Вольтманъ—несомнѣнно уже имѣлъ готовую схему о тенденціяхъ и заключительномъ этапѣ капитализма, когда *приступилъ* къ изученію исторіи капитализма. *Схема его продуктъ гегелевской діалектики.* (Protokoll des Part. zu Hannover 1899, S. 147).—Это же самое отмѣтилъ въ свое время и Эд. Бернштейнъ. „Гегелевская діалектика, гов. онъ, самое *предательское* въ марксистской доктринѣ: какъ волчья яма стоитъ она на пути къ объективному анализу вещей“. „Великое, что создано Марксомъ и Энгельсомъ создано ими не благодаря, а *вопреки* діалектикѣ“. (Ed. Bernstein, Voraus. d. Soz. S. 26 и 36).

зисы предназначены были вносить опустошеніе и дезорганизацію въ сложный механизмъ индивидуально анархическаго производства, придавать процессу капиталистической самоликвидаціи бурный, *катастрофическій* характеръ. Такимъ образомъ капитализмъ шелъ къ своему уничтоженію, въ построеніяхъ марксизма, семимильными шагами, ускореннымъ, *революціоннымъ* темпомъ.

Но изживая себя накопляемыми внутренними противорѣчіями, капитализмъ въ то же время въ силу тѣхъ же изначальныхъ законовъ діалектическаго развитія создаетъ всѣ объективныя предпосылки, всѣ необходимыя условія общественно-регулируемаго хозяйства, закладываетъ глубокій фундаментъ, для грядущаго, коммунистическаго царства.

Эту свою проэкцію въ будущее, или употребляя привычную терминологію, этотъ „научный прогнозъ“ марксизмъ упорно выдавалъ за *революціонную доктрину*.

Для всякаго, свободнаго отъ предвзятости, апріорно ясно, что словоупотребленіе въ данномъ случаѣ нѣсколько произвольное, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ привычнымъ *психологическимъ* терминомъ, а скорѣе съ *естественно-научнымъ*; что если использовываніе его законно, то лишь въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ законно говорить, напримѣръ, о революціонной теоріи въ біологіи, въ геологіи etc., противопоставляя ихъ эволюціоннымъ въ какомъ Де-Фризъ, скажемъ, является представителемъ «революціоннаго начала» въ сравненіи съ эволюціонистами Дарвиномъ и Уоллесомъ.

Истинная же революціонность соціологической концепціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ опредѣляться тѣмъ, какъ она рисуетъ себѣ на основаніи разныхъ фактовъ, аналогій или апріорныхъ убѣжденій *объективную*, стихійную эволюцію. Она опредѣляется исключительно и единственно тѣмъ какое, мѣсто и значеніе удѣляется въ анализѣ факторовъ историческаго прогресса сознательно волевому воздѣйствію человѣка на окружающую инертную среду, лишь высотой той *творческой активности*, которой требуетъ, на которую въ состояніи подвинуть своихъ адептовъ въ достиженіи ими конечнаго, сознательно поставленнаго себѣ общественнаго идеала.

Этой же сторонѣ какъ разъ не удѣляла никакого вниманія марксистская соціологія. И не удѣляла вполнѣ сознательно. Вся «гордость» ея какъ разъ и заключалась въ томъ, что она всю соціальную эволюцію, въ томъ числѣ и отъ капитализма къ соціализму, выводила исключительно изъ матеріальной структуры общественныхъ отношеній, строила не на «зыбкомъ пескѣ» исторически *возможнаго* и для опредѣленныхъ соціальныхъ категорій *желательнаго*, а на «прочномъ фундаментѣ» фатально неизбѣжнаго, предопредѣленнаго — въ основномъ и цѣломъ—силой непреложныхъ «законовъ» историческаго развитія.

Рабочему классу въ переходный періодъ, покуда капитализмъ себя еще не изжилъ, выпадала роль не грознаго рушителя, непрерывно колеблющаго почву подъ ногами своихъ классовыхъ угнетателей, а роль печальной тѣни, съ острастской слѣдующей на всѣхъ стадіяхъ за различными фазами капиталистической эволюціи, боязливо озирающейся по всѣмъ сторонамъ какъ бы не затормозить „колеса исторіи“. Теоретики марксизма никогда не забывали напоминать пролетаріату извѣстныя слова Маркса о невозможности ни „перепрыгнуть“ черезъ этапы общественнаго развитіи, ни отдѣлаться отъ нихъ „декретами“. Не случайно въ коммунистическомъ манифестѣ—этомъ несомнѣнно самомъ выдержанномъ документѣ догматическаго соціализма—пролетаріатъ названъ не рушителемъ, а *гробокопателемъ* буржуазнаго общества. О смерти стараго и рожденіи изъ нѣдръ его новаго уклада въ достаточной степени „озабочена“ слѣпая, безличная стихія экономическихъ противорѣчій. Грядущимъ имянинникамъ, которые должны завоевать весь міръ, отведена торжественная, но скромная роль— „бюро погребальныхъ процессій“...

Исторія всегда права въ
тяжбѣ съ идеологіей".
(Cunow, Parteizusammenbruch,
Berlin 1915).

III.

Логика соціалъ-имперіализма.

Теорія современнаго соціалъ-имперіализма, самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ основнымъ тенденціямъ догматическаго соціализма, есть кость отъ кости и плоть отъ плоти тѣхъ сторонъ его, которыя можно было-бы назвать „гегелевскимъ наслѣдіемъ въ марксизмѣ".

Во всѣхъ странахъ теперь можно найти безъ особой трудности печальную разновидность соціалистовъ, которымъ дано имя соціалистическихъ имперіалистовъ. Таковыми *объективно* являются всѣ безъ исключенія „милитарные" соціалисты, всѣ тѣ кто изъ вражды къ новымъ „врагамъ" стали друзьями старыхъ, историческихъ враговъ, замѣнили роль строгаго судьи на роль скромнаго прислужника, порой холопа при властномъ господинѣ. Во всѣхъ странахъ — даже нейтральныхъ—бродятъ въ наши кошмарные дни такія жертвы историческаго потрясенія, имѣются онѣ и во всѣхъ соціалистическихъ партіяхъ.

Но только марксисты—и при томъ консеквентно лишь австро-германскаго толка—сумѣли возвести позорную практику современности въ стройную теорію, призвать на службу ей самые крупные авторитеты соціализма, выдвинуть на свои позиціи тяжелую артиллерію теоретическихъ и философскихъ аргументовъ. И это не только потому, что Марксомъ и Энгельсомъ, какъ справедливо указалъ уже давно Эд. Бернштейнъ „можно все доказать" [1]), сколько потому, что дѣйствительно соціалъ-имперіалисты мало грѣшатъ въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ противъ основныхъ посылокъ діалектическаго матеріализма, противъ идеологическихъ основъ своей школы.

Чтобы обосновать свою позицію имъ не приходится продѣлывать тѣхъ непривычныхъ скачковъ въ неизвѣстное, которыми, какъ мы въ дальнѣйшемъ увидимъ, сейчасъ даже злоупотребляютъ иногда марксисты „непріявшіе" дѣйствительности, имъ достаточно *ни отъ чего не отказываться* изъ своего богатаго идейнаго прошлаго.

Исходя изъ твердаго убѣжденія, что *имперіализмъ*, т. е. стремленіе капитализма на извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ разорвать государственно-территоріальныя рамки и выйти на широкую дорогу безпрепятственнаго господства на всемъ земномъ шарѣ — есть вполнѣ законное и *неизбѣжное* слѣдствіе капиталистической эволюціи,—исходя изъ такого убѣжденія соціалъ-имперіалисты настаиваютъ, что пытаться стать поперекъ дороги имперіализму могутъ лишь *утописты*, фантазеры, революціонные романтики, однимъ словомъ всѣ, кто угодно, только не сторонники „научнаго соціализма". Послѣднимъ нельзя даже въ минуты міровыхъ потрясеній забывать азбуки своей исторической философіи, гласящей, что ни перепрыгнуть черезъ опредѣленную фазу развитія, ни отдѣлаться отъ нея декретами нельзя.

Это не значитъ, конечно, что теоретики соціалистическаго имперіализма признаютъ современное положеніе вещей „нормальнымъ" или даже „желательнымъ", что они его морально санкціонируютъ. Нѣтъ. Они просто отказываются давать моральную оцѣнку *историческому неизбѣжному*, считая такое занятіе достойнымъ „субъективистовъ", но ни въ какомъ случаѣ не послѣдователей „научнаго объективизма".

---

[1]) *Ed. Bernstein*, Voraussezungen des Sozialis. Stuttg. 1902, S. 19.

Не то, что „должно быть“, а то, что „есть“; не абстрактное представленіе о „возвышенномъ“ и „прекрасномъ“, а статика и законы динамики соціальной жизни служатъ марксистамъ почвой, фундаментомъ, какъ „оцѣнки“, такъ и политическаго дѣйствія.

„Справедливость, человѣчность, свобода, равенство, братство, независимость, — всѣ эти въ большей или меньшей степени моральныя категоріи очень звучны, но въ историческихъ и политическихъ вопросахъ онѣ безсильны (durchaus nichts beweisen). Такъ писалъ Фр. Энгельсъ, издѣваясь надъ „утопизмомъ“ Бакунина, переполнившаго свой „панславистскій“ манифестъ такими „звучными“, но „пустыми“ понятіями, ставшаго на абстрактную точку зрѣнія, „права всякой націи на самоопредѣленіе, права всякой націи на суверенность“.

Но будучи безсильными, моральныя категоріи становятся легко источникомъ „реакціонной“ политики, поскольку ихъ кладутъ въ основу своей тактики, поскольку дѣлаютъ тщетныя усилія задержать естественное вращеніе „колеса исторіи“.

„Неужели — спрашивалъ тотъ же Энгельсъ — Бакунинъ поставитъ американцамъ въ упрекъ „завоевательную войну“, которая велась исключительно въ интересахъ цивилизаціи, хотя она и нанесла сильный ударъ теоріи, покоющейся на понятіяхъ „справедливости“ и „человѣчности“. Или можетъ быть Бакунинъ усмотритъ несчастье въ томъ, что прекрасная Калифорнія отнята у лѣнивыхъ мексиканцевъ, которые не знали, что съ ней предпринять? Что энергичные янки быстрой эксплуатаціей золотыхъ пріисковъ увеличатъ средства обмѣна?... откроютъ впервые Тихій Океанъ для цивилизаціи и въ третій разъ дадутъ новое направленіе міровой торговлѣ?... Конечно, „независимость“ нѣкоторыхъ испанскихъ калифорнійцевъ и техасцевъ при этомъ пострадаетъ, „справедливость и другіе моральные постулаты будутъ то здѣсь, то тамъ попраны, — но что все это въ сравненіи съ такими мірового значенія историческими фактами?».

Не поднятъ ли и теперь шумъ, спрашиваютъ безстрашные въ своей послѣдовательности ученики Маркса и Энгельса, „по пустякамъ», не происходитъ ли и сейчасъ „провѣрка“ историческихъ фактовъ абстрактными, гуманитарными критеріями, и не является ли, наконецъ, самый крикъ о кризисѣ нѣмецкой соціальдемократіи и съ ней всего Второго Интернаціонала, результатомъ такой идеологической путаницы, такого антимарксистскаго затменія?

„Изъ того факта, гов. Куновъ, что нѣмецкая соціальдемократія не сдѣлала чего-то, что отъ нея ожидали нѣкоторые, вытекаетъ лишь увѣренность, что эти „нѣкоторые“ предались неосновательнымъ мечтамъ, жили не въ реальной, а въ фантастической дѣйствительности. И больше ничего. Всякое иное умозаключеніе не имѣетъ никакого права аппеллировать къ исторической теоріи марксизма, ибо основной постулатъ послѣдней гласитъ: *исторія всегда права въ тяжбѣ съ идеологіей*“ [1]).

Нѣкоторые абстрактные принципы, — вродѣ „простыхъ законовъ права и нравственности“ надъ которыми потѣшался Марксъ, вынужденно включивъ ихъ въ манифестъ Перваго Интернаціонала, — диктовали нѣмецкой соціальдемократіи, какъ и соціалистамъ другихъ странъ — „непріятіе войны“; реальная же историческая дѣйствительность съ ея реальными отношеніями продиктовала „пріятіе“, т. е. защиту права національнаго капитала на экспансію, въ конкретномъ случаѣ: «права» германскаго капитализма на переходъ въ высшую, имперіалистскую стадію своего развитія.

---

[1]) *Heinrich Cunow*, Parteizusammenbruch, Berlin, 1915, S. 27.

Предаваться огорченію, или даже гнѣваться на то, что „жизнь не посчиталась съ нашими иллюзіями“, конечно, можно, но при этомъ только не слѣдуетъ—основательно замѣчаетъ Куновъ—ссылаться на Маркса. Не слѣдуетъ, ибо даже рабство по желѣзной логикѣ его концепціи, попадало въ рангъ прогрессивныхъ явленій, поскольку онъ считалъ его неизбѣжной стадіей хозяйственной эволюціи, считалъ его исторической необходимостью.

„Историческою же необходимостью является все, что находитъ себѣ форму и содержаніе въ эволюціонномъ процессѣ, все что выживаетъ“ [1]). Только въ субъективно-телеологической перспективѣ можно говорить о разныхъ историческихъ возможностяхъ и одну изъ нихъ считать болѣе естественной, болѣе необходимой, болѣе желательной, чѣмъ другую. Марксизмъ же только потому и претендовалъ на имя теоріи *научнаго* соціализма, что изгонялъ всякую телеологію, какъ незаконный пережатокъ, какъ спекулятивный способъ познанія. „Онъ никогда не интересовался вопросомъ, что могло бы быть при другихъ обстоятельствахъ и нельзя ли себѣ представить процесса развитія идущимъ въ другомъ, чѣмъ фактическое, направленіи. Для него единственно рѣшающимъ былъ вопросъ: что *есть*, что вытекаетъ изъ историческихъ предпосылокъ и реально осуществляется.“ [2])

„Вопросъ вопросовъ“ современности, такимъ образомъ, укладывается для послѣдовательнаго марксиста въ формулу: является ли имперіализмъ законной стадіей капитализма, или онъ лишь случайный этапъ его, этапъ который можно миновать, черезъ который можно перепрыгнуть?

„Либо имперіалистская фаза капитализма обусловлена жизненными условіями и главное концентраціоннымъ процессомъ застывшаго финансоваго капитализма и *съ неизбѣжностью* наступаетъ тамъ, гдѣ капитализмъ достигъ опредѣленной степени развитія, слѣдовательно, *является исторической предпосылкой осуществленія соціализма*,... либо это явленіе выросло изъ опредѣленныхъ локальныхъ условій, имѣетъ исключительно мѣстное значеніе, не несетъ на себѣ печати исторически эволюціоннаго процесса“ [3]). „Въ первомъ случаѣ абсурдно „подкапываться“ подъ имперіализмъ и пытаться его вычеркнуть изъ скалы капиталистической эволюціи; во второмъ—остается совершенно непонятной та послѣдовательность, съ которой имперіализмъ выступаетъ на авансцену во всѣхъ развитыхъ капиталистическихъ странахъ и совершенно необоснованнымъ практикующійся у насъ такъ часто пріемъ: всю новѣйшую исторію государствъ объяснять имперіализмомъ“ [4])

Но если имперіализмъ есть одна изъ восходящихъ ступеней естественной эволюціонной лѣстницы капитализма, если его должно разсматривать какъ одну изъ тѣхъ тенденцій развитія, о которыхъ Марксъ сказалъ, что онѣ „дѣйствуютъ и прокладываютъ себѣ дорогу въ силу высшей необходимости“,—то борьба, направленная противъ имперіализма, является: субъективно—революціонной романтикой, объективно—реакціонной утопіей.

„Если имперіализмъ не случайный, а необходимый этапъ по пути развитія капитализма къ соціализму, тогда лозунгъ: „не дадимъ имперіализму развиться“, „подкопаемся подъ него“—столь же нелѣпъ, сколь нелѣпъ былъ бы при зарожденіи крупной машинной индустріи лозунгъ: „не потерпимъ машинъ, разрушимъ ихъ, предпишемъ чтобы впредь употреблялся лишь ручной трудъ“ [5])

Ту же аргументацію приводитъ въ защиту соціалъ-имперіализма и „ревизіонистъ» Виннигъ. „Неужели—говоритъ онъ—то, что мы называемъ имперіа-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же стр. 15.

лизмомъ, т. е. устремленіе производства за государственныя рамки, присоединеніе къ метрополіи странъ сырья и сбыта.—неужели это лишь проявленіе брутальности и безцеремонности крупно-капиталистической буржуазіи? Не имѣемъ ли мы здѣсь скорѣе дѣло съ *исторической категоріей*, на подобіе феодализма, ремесленнаго періода, стадіи ранняго капитализма и т. д.? И неужели жизненной задачей какъ разъ соціалистовъ должно быть *противиться развитію*, которое должно привести къ соціализму; которое является его неизбѣжной предпосылкой? Только *утописты* могутъ игнорировать указанную связь явленій". [1])

Марксисты никогда не измѣняли кардинальному пункту своей программы: никогда не становились при защитѣ интересовъ труда на пути развитія капитализма. Они не дѣлали также попытокъ „перескочить" изъ царства необходимости въ царство свободы, минуя какую нибудь законную стадію капитализма. Они всегда шли *по руслу* историческаго теченія. «Мы не хотимъ измѣнить самому цѣнному въ научномъ соціализмѣ", „мы хотимъ идти старыми, испробованными путями и сейчасъ" твердятъ въ одинъ голосъ Куновъ, Ленчъ, Давидъ, Виннигъ, Реусъ, Кольбъ, Генишъ и многіе другіе „радикалы" и „ревизіонисты". Капитализмъ—говорятъ они—еще не „отхозяйничалъ". Онъ далеко еще не развилъ „всѣхъ производительныхъ силъ, которыя въ состояніи вмѣстить", онъ скрываетъ въ себѣ еще богатѣйшія потенціи. И нелѣпо, утопично и реакціонно было бы бросать ему палки въ колеса какъ разъ тогда, когда онъ въ тяжелыхъ мукахъ рождаетъ новую, высшую фазу хозяйственнаго бытья.

„Мы должны учитывать — гов. Куновъ — новую финансово капиталистическую эру хозяйства, которая лишь вступаетъ въ свои права. Лишь она, думаемъ мы, создастъ необходимыя условія для побѣды соціализма" [3]). „Торжественное шествіе капитализма—вторитъ ему Ленчъ—для подавляющей части міра лишь начинается: мы не въ концѣ, а въ началѣ его исторіи" [4]).

Конечно, какъ всегда, соціалисты и въ эту стадію капитализма должны охранять интересы рабочаго класса. „Я нигдѣ и не утверждалъ,—говоритъ Куновъ,—что борьба съ капитализмомъ должна прекратиться. Нѣтъ, нужно только, исходя изъ убѣжденія „что мы еще десятки лѣтъ будемъ жить въ условіяхъ финансово-капиталистическаго хозяйства и продиктованными его интересами политикѣ" [3]) - *пріять* эту новую фазу хозяйственной эволюціи и, какъ всегда дѣлали, пріявши, использовать ее „въ интересахъ рабочаго класса".

Сейчасъ такую точку зрѣнія, независимо отъ того высказываютъ ли ее „ревизіонисты", или испробованные вожди „радикализма" вродѣ Кунова, Ленча, Генища,—многіе, кто въ этомъ заинтересованы, пытаются выдать за „лжеученіе", за *псевдо-марксистское измышленіе.*

Въ дѣйствительности же мы имѣемъ весьма послѣдовательную марксистскую теорію, построенную по всѣмъ правиламъ марксистской архитектоники, почти неопровержимую аргументами отъ „научнаго соціализма".

Буквально то же самое, что говорятъ соціалъ-имперіалисты сейчасъ, говорили марксисты всегда, примѣнительно ко всѣмъ фазамъ капиталистической эволюціи и никогда—по крайней мѣрѣ сами—въ этомъ ничего не усматривали помимо высокой „учености".

Врядъ ли кто рѣшится утверждать сейчасъ, что, скажемъ, разрушеніе общины и индустріализація сельскаго хозяйства *болѣе* неизбѣжны, съ *большей*

---

[1]) *August Winnig*, Der Krieg u. die gewersch. Intern., ‹Soz. Mon›, XXI, Jahrg. Bd. I, S. 14. Ту же мысль развиваетъ и Эд. Давидъ, см. его „Die Sozialdemokratie im weltkriege›, Berlin 1915, S. 61 ff.

[2]) *H. Cunow*, „Illussionen-Cultus", Neue Zeit, 1915, № 7, S. 204.

[3]) *H. Cunow*, выше указ., стр. 208

[4]) *P. Lensch*, Gamburger Echo, 21 Apr. 1915.

необходимостью вытекаютъ изъ природы капиталистическаго производства, чѣмъ переходъ странъ финансоваго капитала на путь „имперіалистской политики". А если не болѣе—мы думаемъ, что скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе!—то почему „мѣшать" капитализаціи сельскаго хозяйства—„утопично", „мелкобуржуазно", „реакціонно" etc., а пытаться „мѣшать" имперіализму дѣлать свое историческое дѣло—проявленіе высшей политической мудрости?

„Утопизмъ" народниковъ еще подлежалъ даже съ марксистской точки зрѣнія нѣкоторому сомнѣнію, поскольку все явственнѣе выяснялся *некапиталистическій* характеръ сельско-хозяйственной эволюціи; „утопизмъ" же марксистовъ „анти-имперіалистовъ"—внѣ сомнѣнія, ибо имперіалистская стадія развитія есть уже фактъ, который ни оспаривать, ни игнорировать нельзя.

* * *

Но если имперіализмъ есть неизбѣжная стадія капиталистической эволюціи, есть та фаза его, гдѣ будутъ, наконецъ, созданы условія крушенія современнаго экономическаго уклада и заложены основы для царства грядущаго,—то нельзя мѣшать ему дѣлать свое историческое дѣло, нужно наоборотъ открыть ему свободную дорогу... Таковъ выводъ и вполнѣ послѣдовательный—изъ оптимистически-фаталистическихъ посылокъ марксистскаго міровоззрѣнія!

Дѣло существенно не мѣняется и отъ того, что имперіализмъ въ большей степени, чѣмъ предыдущія фазы капитализма, чреватъ конфликтными возможностями. Нужно и эту сторону его пріять какъ *неизбѣжное*, находя и въ ней точки опоры для *своей*, направленной къ конечнымъ достиженіямъ демократіи, политики. Но эта „*своя*" политика—при взглядѣ на имперіализмъ, какъ на исторически обязательный этапъ развитія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть политикой „laisser faire, laisser passer". При столкновеніи двухъ „имперіализмовъ" нужно оцѣнить, какой изъ нихъ является *болѣе прогрессивнымъ*, какой идетъ по восходящей линіи историческаго развитія и открыто и смѣло стать на его сторону. Конечно критеріи оцѣнки должны быть *объективными*. Подобно Марксу и Энгельсу, говоритъ Ленчъ, соціалисты должны быть не за или противъ отечества, а противъ „самаго опаснаго врага европейской демократіи".

Но какъ не обманчивымъ чувствомъ, чаще всего подсказывающимъ національную оріентацію, а „*научно*" установить, кто является носителемъ „*прогресса*" и кто „опаснымъ врагомъ европейской демократіи"?

Для немарксиста это неразрѣшимая задача, почти квадратура круга: столько разныхъ со всѣхъ точекъ зрѣнія силъ кооперируютъ съ одной и другой стороны, столько совершенно неподдающихся учету возможностей таится въ одномъ и другомъ рѣшеніи конфликта... Другое дѣло для марксистовъ. Марксистъ всегда держитъ въ рукахъ аріаднину нить историческаго процесса, онъ всегда имѣетъ безошибочный масштабъ оцѣнки: *это ростъ производительныхъ силъ*. Все, что содѣйствуетъ ему, приближаетъ насъ къ трудовому обществу; все, что противодѣйствуетъ, удаляетъ.

Современный конфликтъ въ первую голову призванъ разрѣшить давнишній, затяжной споръ, созданный все усиливавшейся конкуренціей на международномъ рынкѣ между Англіей и Германіей.

Въ „мирномъ" соперничествѣ несомнѣнно Германія являлась страной «наступающей», Англія—«обороняющейся». Но наступательная тактика диктовалась Германіи небывалымъ ростомъ производительныхъ силъ, естественнымъ стремленіемъ мощной индустріи шагать безпрепятственно впередъ, развивать всѣ свои потенціальныя возможности. Оборонительная тактика Англіи диктовалась ей ея относительной *отсталостью*, неумѣніемъ справиться съ конкурентомъ силой экономическаго прогресса.

«Англійская буржуазія — говорилъ Ленчъ на Хемницкомъ партейтагѣ, еще въ 1912 г. — видитъ угрозу своему столь прочному въ прошломъ положенію въ имперіалистической конкуренціи. Она все больше переходитъ на положеніе „рантье“ и раздѣляетъ со всѣми „рантье“ одно желаніе: только бы все осталось по старому! Она съ огорченіемъ замѣчаетъ, какъ другія капиталистическія государства все ближе и ближе равняются съ ней, какъ даже ея абсолютное превосходство на морѣ становится неустойчивымъ, благодаря лихорадочному вооруженію. Въ такомъ положеніи ей приходитъ на умъ: какъ было бы мило, если бы намъ удалось убѣдить другія государства прекратить ихъ вооруженія. Тогда наше преобладаніе на морѣ было бы увѣковѣчено! Ясно: никто не послушается этихъ совѣтовъ, но въ нихъ сказывается утопическій, даже реакціонный характеръ упованій англійской буржуазіи. Она хочетъ вцѣпиться въ фалды историческаго развитія и потянуть его назадъ въ далекое прошлое, хочетъ увѣковѣчить настоящее положеніе вещей. *Мы же соціалисты боремся съ имперіализмомъ противоположными средствами: мы идемъ на нее съ фасада, т. е. убиваемъ его, помогая ему перерости самого себя.* Колебанія морской гегемоніи Англіи — лишь неизбѣжный результатъ несомнѣнно разрушенной уже индустріальной гегемоніи ея. Какъ англійская буржуазія средствами свободной торговли дѣлала негодную попытку удержать всѣ другія государства въ стадіи аграрныхъ странъ, себя же утвердить въ роли монопольнаго индустріальнаго государства, точно также она сейчасъ, и опять напрасно, пытается идеей разоруженія длительно обречь другія капиталистическія государства, — въ томъ числѣ такое сильное, бодрое, молодое капиталистическое государство, какъ германская имперія, — на роль второстепенныхъ морскихъ державъ. *Интернаціональный соціализмъ* ни въ малѣйшей степени не заинтересованъ въ томъ, чтобы поддерживать морское господство одного государства надъ другими, *ибо такимъ образомъ искуственно будетъ затрудняться и затягиваться реализація предпосылокъ, гарантирующихъ побѣду соціализма*» [1]).

„Понятно,—говорилъ онъ дальше, — средства, къ которымъ прибѣгаютъ капиталистическія государства для преодолѣнія гегемоніи Англіи: неслыханная гонка на пути вооруженій — намъ въ высшей степени не по душѣ. Но въ рамкахъ капиталистическаго общества почти всякій шагъ впередъ идетъ по чуждымъ намъ путямъ. Грандіозная работа, которую дѣлаетъ капитализмъ, сказочный ростъ производительности труда, безъ чего вообще немыслима была бы организація соціалистическаго хозяйства — требуютъ сотни тысячъ невинныхъ жертвъ, несутъ нужду и разорѣніе въ широкія, народныя массы. Конечно, мы пытаемся по мѣрѣ силъ противостоять такой стихіи, но при этомъ мы не упускаемъ изъ виду, *что эта, по трупамъ ведущая дорога капитализма, все же приведетъ насъ въ концѣ концовъ къ соціализму. Капитализмъ въ конечномъ счетѣ неизбѣжно долженъ работать для насъ*, хочетъ ли онъ этого или нѣтъ. Долженъ работать для насъ даже тогда, когда по всей видимости лишь топчетъ ногами интересы человѣчества: даже при непрерывныхъ вооруженіяхъ“ [2]).

Въ этихъ словахъ сказанныхъ задолго до войны, точно опредѣлена та позиція, которую должны были занять — и дѣйствительно заняли — германскіе соціалисты въ случаѣ Англо-Германскаго конфликта. И любопытно, что «соціалъ-имперіалистскія» воззрѣнія Ленча не только не встрѣтили на Хемницкомъ партейтагѣ возраженій, но были приняты какъ сами-собой разумѣющіеся выводы изъ приложенія марксистскаго метода къ проблемамъ международной политики.

---

[1]) Prot. d. Parteitg. zu Chemnitz, 1912, S. 417.
[2]) Указ.

И совершенно правъ Ленчъ, когда утверждаетъ, что онъ сейчасъ не говоритъ ничего принципіально новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что всегда говорилъ, за что — можемъ мы добавить — почитался и уважался, какъ видный марксистскій теоретикъ.

Если критерій историческаго прогресса видѣть только въ развитіи производительныхъ силъ, то съ того момента, когда война стала фактомъ, когда „альтернатива гласила: либо побѣда нѣмецкаго, либо англійскаго капитализма интересы интернаціональнаго пролетаріата требовали перваго“ [1]). „Ибо потрясая англійскую міровую гегемонію, нѣмецкій капитализмъ, не сознавая этого, дѣлаетъ *исторически прогрессивное дѣло* первостепенной важности“ [2]). Война эта должна, какъ локомотивъ міровой исторіи, быстрымъ темпомъ завершить ту эволюцію, которая давно уже, но медленно, прокладывала себѣ дорогу“ [3]). „Въ этой — широкой исторической перспективѣ можно современную войну назвать революціей, въ которой Англія защищаетъ *реакціонный*, Германія — *революціонный* принципъ“ [4]). „Мы присутствуемъ при любопытномъ зрѣлищѣ: на нашихъ глазахъ осуществляется подъемъ рабочаго класса по лѣстницѣ его восхожденій, но не при заревѣ гражданской войны, а подъ грохотъ революціонной міровой войны“ [5]). „На нашей сторонѣ—*историческое развитіе*. Дѣло демократіи и соціализма неразрывно связано съ судьбой Германіи“ [6]). Въ этой перспективѣ борьба меньшинства въ рядахъ нѣмецкой соціальдемократіи ничтожное какъ бунтъ *ретроградныхъ* элементовъ противъ историческаго развитія“ [7]). „Изъ анализа положенія вещей, мы съ интернаціоналистской точки зрѣнія находимъ объективное оправданіе для поведенія нѣмецкой соціальдемократіи 4-го августа“. „Съ тѣмъ же воодушевленіемъ, съ какимъ мы раньше боролись за миръ, мы сейчасъ боремся за нѣмецкую побѣду. Этого требуютъ отъ насъ— послѣдовательныхъ марксистовъ — интересы интернаціональнаго соціализма“ [8]), „ибо съ какой стороны ни подойти къ вопросу — на сторонѣ Германіи въ этой войнѣ то право, которое единственно признается судомъ исторіи: *право историческаго прогресса*“ [9])

Приведенныхъ цитатъ, думаемъ мы, достаточно, чтобы показать, что не только общая позиція „соціалъ-имперіализма“ получила въ германской соціальдемократіи принципіально марксистское толкованіе и *оправданіе*, но что и спеціально позиція австро-германскаго соціализма въ современномъ конфликтѣ поднята средствами марксистской исторіософіи изъ низовъ позора и безчестія на высокій пьедесталъ служенія „историческому прогрессу“.

Конечно, извѣстный афоризмъ Фихте: „всякій исповѣдуетъ ту философію которая ему удобна“ – и здѣсь примѣнимъ. Не отъ теоріи пришли соціалъ-имперіалисты къ своей практикѣ, а наоборотъ. „Im Anfang stand die Tat“. Но это дѣла не мѣняетъ. Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не психологія, а логика, не побужденія, а аргументы.

* * *

Съ такой же мѣркой подходимъ мы и къ интернаціонально-ориентирующимся марксистамъ. Мы хотимъ прослѣдить, какъ преодолѣваютъ они сложную систему заграждений, воздвигнутыхъ на ихъ пути умѣлой рукой теоретиковъ

---

[1]) *Paul Lensch*, Die deutsche Soz.-ie u. der Weltkrieg, 3 Aufl., 1915, S. 27.
[2]) Указ.
[3]) Указ.
[4]) *Paul Lensch*, Die Sozialdemokratie, ihr Ende u. ihr Glück, Leipzig, S. 177.
[5]) Указ. Стр. 124.
[6]) Указ. Стр. 135.
[7]) Указ. Стр. 209.
[8]) Указ. Стр. 117.
[9]) *Konrad Haenisch*, die deutsche Soz.-ie in und nach d. Kriege, Berlin, 1916, S. 131

соціалъ-имперіализма, какъ аргументируютъ свое „непріятіе“ имперіализма и порождаемаго его конфликтными сторонами т. н. „имперіалистскихъ войнъ“, какъ примиряютъ свое прошлое съ настоящимъ.

Съ трехъ сторонъ, увидимъ мы, пытаются марксисты интернаціональнаго толка подкопаться подъ солидныя историко-философскія соображенія своихъ „друго-враговъ“.

Во-первыхъ они ведутъ доказательства, что имперіализмъ не есть законная, неизбѣжная стадія капитализма, а лишь опредѣленный *видъ капиталистической политики.*

Во-вторыхъ,—что имперіализмъ есть та стадія капитализма, которая уже не знаетъ творчески-созидательныхъ сторонъ, которая въ въ противовѣсъ всѣмъ предыдущимъ фазамъ знаменуетъ не ростъ, а рузрушеніе производительныхъ силъ, *не приближаетъ, а удаляетъ насъ отъ соціализма.*

Наконецъ, третье теченіе—подвергаетъ посылки марксистской исторіософіи также всю построенную на нихъ теорію „Zusammenbruch'a“, пересмотру, пытается вырваться изъ тисковъ фаталистическаго оптимизма на просторъ критической соціологіи, *ревизируетъ* традиціонное ученіе.

IV.

Идеологическая интерпретація имперіализма.

„Имперіализмъ не есть законная, неизбѣжная стадія капитализма, а лишь опредѣленный видъ капиталистической политики“. Такова основная теоретическая посылка цѣлаго ряда марксистскихъ идеологовъ. Элиминаціей экономическаго и подчеркиваніемъ политическаго момента хотятъ они „непріятіе“ имперіализма лишить характера борьбы съ тенденціями историческаго развитія, низвести его на ступень обыкновенной классовой тяжбы между соціальными антагонистами современности. „Только потому,—говоритъ К. Каутскій, что Куновъ опредѣляетъ имперіализмъ, какъ *потенцированный* капитализмъ, онъ приходитъ къ ложному выводу, будто борьба съ нимъ есть иллюзорная попытка перепрыгнуть черезъ экономическую фазу [1]). Въ дѣйствительности же *„имперіализмъ есть только особый видъ капиталистической политики*, какъ это было манчестерство, на смѣну котораго онъ пришелъ“. Онъ не только не необходимъ для капиталистической системы хозяйства, говоритъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ, но вообще значеніе имперіализма безгранично преувеличено [2])

Легкая возможность выйти изъ затруднительнаго положенія, перепрыгнувъ черезъ всѣ роковые вопросы, оказалась столь соблазнительной, что передъ нею не устоялъ и самъ Гильфердингъ, больше всѣхъ потрудившійся въ дѣлѣ анализа экономической природы новой, имперіалистской фазы капиталистической эволюціи. И отецъ „финансового капитализма“ склоненъ видѣть въ имперіализмѣ „лишь *предпочтительную* политику денежнаго капитала“, но ни въ какомъ случаѣ не „хозяйственную стадію“. „Признаніе пролетаріатомъ неизбѣжности имперіализма — гов. онъ — обозначало бы лишь усиленіе самого имперіализма“ [1]). Также Карлъ Реннеръ усматриваетъ въ имперіализмѣ лишь одну изъ возможныхъ формъ капитализма въ эпоху господства финансового капитала; при чемъ удареніе онъ дѣлаетъ не столько на природѣ финансоваго капитала, какъ такового, сколько на *внѣшней политикѣ* современныхъ государствъ, обставившихъ свое національное хозяйство рогатками таможенныхъ

---

[1]) *Kautsky*, Zwei Schriften, N. Z., 1915, N4, S. 111.

[2]) Тамъ же Ср. *Karl Renner*, «Sozialisticher Imperialismus oder internationaler Sozialismus» «Der Kampf», 1915, S. 5. Также: «Krieg und die Internationale, «Der Kampf» Febr. 1916.

пошлинъ. [1]) Нѣсколько осторожнѣе но по существу въ томъ же духѣ высказывается и Максъ Адлеръ. „Вообще — говоритъ онъ — является еще спорнымъ былъ ли имперіализмъ въ той своей формѣ, въ которой онъ не могъ не привести къ конфликту, дѣйствительно *необходимой* фазой капитализма“ [1]).

Смыслъ всѣхъ этихъ „сомнѣній“ и категорическихъ утвержденій ясенъ. Нельзя бороться противъ „тенденцій“ капитализма, противъ опредѣленной его исторической фазы. Въ этомъ соціалъ-имперіалисты абсолютно правы, въ этомъ они являются вѣрными учениками Маркса. Но можно и должно бороться противъ избранной господствующими классами въ тотъ или другой моментъ международной политики, противъ *одного изъ многихъ* возможныхъ методовъ политическаго рѣшенія, поставленныхъ въ порядокъ дня экономическихъ проблемъ. Международная дипломатія не смогла, не сумѣла найти иной политики помимо той. которая привела къ великому потрясенію. Но это не значитъ, что иной не было, что она впредь невозможна.

Каутскій взялъ это дѣло въ свои руки и безъ особаго труда доказалъ, что чреватой конфликтными возможностями имперіалистской политикѣ, можно противопоставить политику федерированія государствъ во всеевропейскіе или даже всемірные Штаты — „Союзъ государствъ“, который съ одной стороны удовлетворитъ законной тягѣ развитого капитализма за предѣлы національно-государственныхъ границъ, съ другой — сдѣлаетъ ненужными и невозможными трения и столкновенія обособленныхъ, преслѣдующихъ узко-эгоистическіе интересы хозяйственныхъ тѣлъ.

Войнѣ „всѣхъ противъ всѣхъ“ противополагается, какъ другая „возможная“ политика финансового капитализма, братскій союзъ равноправныхъ національностей. Принципъ „святого національнаго эгоизма“ имперіалистскія государства могутъ замѣнить по совѣту Каустаго принципомъ международной кооперации и въ основу своихъ отношеній положить не грубое начало силы, а моральное начало права.

„Вотъ они „Соединенные Штаты Европы и всего міра“, — замѣчаетъ въ своей критической статьѣ Ю. Гарденинъ, — какъ программа высокоразвитого индустріальнаго капитализма! Превращеніе міра въ свободный и равноправный союзъ націй, какъ дѣтище нормально развивающейся буржуазіи!“ [2]).

„Идея „Соединенныхъ Штатовъ Европы и всего міра“ — это великая, вѣчная идея, и, можно смѣло сказать — идея чисто-соціалистическая. Это — идея государственнаго Интернаціонала, идея, которая должна *національную* идею подчинить всеобщей правовой организаціи человѣчества. И ее то Карлъ Каутскій хочетъ навязать буржуазіи и капитализму! Поистинѣ, это значитъ либо слишкомъ низко цѣнить эту великую идею, либо слишкомъ высоко на пьедесталъ исторіи возносить буржуазію и капитализмъ. Что и говорить, служители буржуазіи недурные практики. Они не прочь эксплуатировать любую великую идею, которой принадлежитъ будущее, но они ее эксплуатируютъ, предварительно фальсифицируя ее, и мистифицируя легковѣрныхъ. „Не вольчій зубъ, такъ лисій хвостъ“. Когда буржуазный имперіализмъ какой-нибудь великой державы облюбовываетъ себѣ въ качествѣ объекта болѣе слабаго культурнаго сосѣда — онъ, лишь изрѣдка оскаливая волчьи зубы, дѣйствуетъ главнымъ образомъ при помощи лисьяго хвоста. Когда же онъ мѣтитъ на болѣе „элементарную“ добычу, онъ дѣйствуетъ прямо и откровенно — зубами и когтями. А Каутскій подходитъ къ нему и начинаетъ планировать маккіавелическіе планы: какъ бы это заставить имперіалистскаго „королевскаго

---

[1]) R. Hilferding, Hist. Notwendigkeit u. notw. Politik, «Der Kampf», 1915, H. 5, S. 212.

[2]) *Ю. Гарденинъ*, «Въ поискахъ выхода», «Жизнь» № 4, 1915 (Женева).

тигра" питаться исключительно травкой и овощами, какъ бы пригласить капитализмъ избрать, вмѣсто „рискованной и дорого стоющей" дорожки имперіалистскихъ захватовъ — идиллическую дорожку федерированія въ „Соединенные Штаты Европы и всего міра".

„Рѣдко приходится видѣть, чтобы доктринерская наивность выступала съ такимъ глубокомысленнымъ видомъ и съ такой самоувѣренностью въ роли щедринского „карася—идеалиста", указывающаго хищной щукѣ дорогу справедливости"... [1])

Введенный въ уготованное ему прокрустово ложе, имперіализмъ выглядитъ крайне безобидно. Изъ новой фазы капитализма, — конечно, со своей, характерной для этой фазы, политикой, — онъ дегредированъ на ступень „особаго вида политики". Изъ „базы" онъ благополучно перемѣщенъ въ „надстройку".

Этотъ діалектическій фокусъ однако оказывается, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, малопригоднымъ средствомъ въ борьбѣ съ теоретическими построеніями соціалъ-имперіализма.

„Надстройка" имѣетъ въ марксистской концепціи тоже свое специфическое значеніе: она должна быть всегда выводима изъ *экономики*, должна всегда разсматриваться какъ величина *подчиненная*, *производная*. Пусть „имперіализмъ" не есть тотъ же „финансовый капитализмъ" въ его международно-политическомъ аспектѣ, а лишь „*особый* видъ политики", которому можно мысленно противопоставить „другой видъ политики"; но „*особенность*" эту вѣдь какъ-нибудь да объяснить нужно, и объясненіе это марксистъ можетъ искать и находить лишь въ „базѣ", лишь въ экономической структурѣ современнаго общества. Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно! Проблема тогда лишь нѣсколько видоизмѣнится, но не упразднится, какъ этого страстно желаетъ Каутскій и Гильфердингъ. Вопросъ тогда будетъ гласить: „въ силу какихъ экономическихъ причинъ политика манчестерства уступила мѣсто политикѣ имперіализма", и какъ ни опредѣлять „имперіализмъ", въ духѣ ли самого Каутскаго, — какъ стремленіе индустріальныхъ государствъ подчинить себѣ аграрныя страны, или болѣе широко и правильно — въ духѣ Кунова, дѣлающаго особое удареніе на потребностяхъ финансового капитализма,—все равно: мы имѣемъ дѣло съ опредѣленными, историческими тенденціями развитія, съ опредѣленной фазой капиталистической эволюціи.

Тотъ „особый" видъ политики, который привелъ міръ къ неслыханной катастрофѣ, буржуазія не „свободно" выбрала въ силу присущей ей злой воли, а онъ диктовался ей ясно сознанными классовыми интересами, и что съ ними часто совпадаетъ, интересами національнаго капитализма на опредѣленной ступени его развитія.

Отрицать это, значитъ отказаться дать опредѣленную, *индивидуальную* характеристику переживаемой нами эпохи, значитъ не видѣть разницы между конфликтами современныхъ государствъ и государствъ докапиталистическихъ, или въ первыхъ, зачаточныхъ стадіяхъ капитализма.

Поэтому вполнѣ правъ Куновъ, когда на замѣчаніе Каутскаго, что „только смѣшеніе политической категоріи съ экономической приводитъ къ перемирію съ имперіализмомъ" [2]), отвѣтилъ: „видимо Каутскій понынѣ не вполнѣ выяснилъ себѣ отличительныя стороны колоніальной политики современнаго финансового капитализма" [3]).

Въ манчестерскую эпоху, когда колоніи играли исключительно роль рын-

---

[1]) Указ.
[2]) *Kautsky*, «Zwei Schriften usw.» „N Z." 1915, Nr. 2, S. 112.
[3]) *Cunow*, „Illusionen-Kultus", N. Z., 1915, Nr. 6, S. 200.

ковъ для сбыта фабрикатовъ метрополіи, тогда отношеніе къ нимъ *съ точки зрѣнія судебъ національной промышленности* и ея преуспѣванія могло еще быть разнымъ.

Мы думаемъ, что буржуазія и тогда лучше понимала *эти* интересы, которые въ конечномъ счетѣ были ея интересами, чѣмъ тѣ соціалистическіе теоретики, которые, за отсутствіемъ другихъ аргументовъ въ борьбѣ съ колоніальной политикой, пытались доказать пролетаріату, что буржуазія и другіе господствующіе классы заблуждаются на счетъ значенія колоній, что послѣднія не только не служатъ дѣлу роста національной промышленности, но якобы даже убиваютъ ее.

„Какое значеніе имѣютъ колоніи, какъ таковыя, для индустріальнаго развитія — писалъ Куновъ въ 1910 г. — объ этомъ очень убѣдительно говорятъ экономическій упадокъ Испаніи и Португаліи, индустріальная отсталость богатой колоніями Голландіи въ сравненіи съ Бельгіей, пониженіе вывоза Франціи несмотря на все увеличивающіяся за послѣднія двадцать лѣтъ колоніальныя владѣнія. Для увеличенія нѣмецкаго вывоза пріобрѣтеніе колоній можетъ очень мало сдѣлать. Національная индустрія въ этомъ весьма мало заинтересована“ [1]).

Но если даже такъ смотрѣть на вещи, это не даетъ тѣмъ не менѣе права смазывать разныя фазы капиталистической экспансіи одной краской. Тотъ же Куновъ, который такъ низко расцѣнивалъ значеніе колоній въ эпоху манчестерства, не могъ не признать, что „*иначе дѣло обстоитъ при господствѣ денежнаго капитала*, ищущаго прибыльнаго примѣненія. Онъ дѣйствительно является движущей силой экспансіонныхъ стремленій имперіализма (Zreibende Kraft der imperialistischen Expansionsbestrebungen)“ [2]).

Если трудно было Англіи и Франціи остановить наплывъ въ ихъ колоніи и даже метрополію болѣе дешевыхъ и приспособленныхъ къ потребностямъ и спросу фабрикатовъ съ маркой „Made in Germany“, то совершенно легко было съ ней конкурировать при полученіи разныхъ „концессій“, при устройствѣ „займовъ“, при организаціи другихъ болѣе сложныхъ предпріятій для эксплуатаціи въ широкомъ масштабѣ—„en gros“ мало-культурныхъ, исторически отсталыхъ народовъ.

Тамъ, гдѣ на арену выступалъ „финансовый капитализмъ“, онъ пролагалъ себѣ дорогу уже не столько умѣніемъ и приспособляемостью, сколько силой своей національно-государственной мощи, и своихъ историческихъ прерогативъ и правомочій. Быть обладателемъ колоній, „сферъ вліянія“ значитъ въ наше время имѣть преимущественное право и исключительную возможность пустить выгодно въ оборотъ скопленную въ національно-государственныхъ рамкахъ свободную денежную наличность, право создать на сторонѣ добавочные источники національнаго обогащенія.

Отсюда такая жестокая колоніальная горячка въ послѣднія десятилѣтія, неслыханный ростъ вооруженій, крайнее заостреніе и усложненіе міровой политической коньюнктуры.

„Финансовый капитализмъ“, конечно, не единственный источникъ новой, небывалой по своей интенсивости и безцеремонности, тяги къ территоріальному расширенію, за счетъ менѣе культурныхъ странъ и народовъ. Тяга такая имѣлась задолго до него и, можетъ быть, переживетъ его. Но онъ является самой дѣйственной, самой показательной силой современной фазы хозяйственнаго развитія передовыхъ капиталистическихъ странъ. Какъ разъ здѣсь, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, „политика“ есть зеркало „экономики“, почти въ чистомъ видѣ

---

[1]) *Сипоw*, N Z., 1900, № 2, S. 242.
[2]) Указ.

отражаетъ сложную картину внутреннихъ противорѣчій развитого капитализма; но противорѣчій отлагающихся не на соціальныхъ полюсахъ, а по линіямъ національно-хозяйственныхъ дѣленій, не обостряющихъ, а притупляющихъ классовые антагонизмы.

Наивно было бы сейчасъ еще отрицать, что во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ война нашла себѣ нѣкоторую санкцію и въ *непосредственныхъ*, временныхъ, узко-эгоистическихъ интересахъ труда, который роковымъ образомъ оказался связаннымъ съ интересами національнаго капитала; что капитализмъ обнаружилъ не только классово-дифференцирующія, но и классово-интегрирующія силы. Объ этотъ подводный камень главнымъ образомъ и разбился Второй Интернаціоналъ. Пролетаріатъ въ массѣ своей оказался прикованнымъ къ своей національной экономической базѣ, и сила этого—„анти-естественнаго" съ точки зрѣнія соціалистической теоріи—тяготѣнія неожиданно превозмогла силу интернаціональной солидарности его. И нужно ли доказывать, что особенно тяжкое преступленіе передъ Интернаціоналомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи не въ послѣдней степени обусловленно исключительно быстрымъ ростомъ германскаго капитализма, его исключительными успѣхами и завоеваніями.

Это начинаютъ сейчасъ понимать даже тѣ „критики", которые упорно пытались все свести къ „измѣнѣ" вожаковъ, видѣли—или хотѣли заставить другихъ видѣть—въ кризисѣ и развалѣ Интернаціонала лишь интригу нѣсколькихъ злонамѣренныхъ лицъ, выдавшихъ дѣло соціализма головой.

* * *

Чтобы отдѣлаться отъ гнетущаго представленія объ имперіализмѣ, какъ объ исторически правомѣрной категоріи, Каутскій и другіе дѣлаютъ также попытку лишить современную войну ея индивидуальной характеристики, затушевать ея специфически имперіалистскую природу.

Конечно, правъ Каутскій, когда утверждаетъ, что не всякое стремленіе государства къ расширенію должно непосредственно сводить къ экономическимъ причинамъ; что жажда власти и соображенія территоріальной сохранности тоже играютъ большую роль. Можно и должно съ нимъ и съ Карломъ Реннеромъ согласиться, что война на Востокѣ не носитъ характера войны имперіалистиской, что заданія Россіи въ этой войнѣ скорѣе родились подъ знакомъ меркантилизма, Турціи—домеркантилизма, Австріи—индустріализма, но еще не имперіализма и. д. т. [1])

Даже больше того. Чисто политическіе факторы, несводимые механически ни къ одной хозяйственной категоріи: рудименты прошлыхъ временъ и эпохъ, абсолютизмы, полуабсолютизмы, династіи съ ихъ, узко кастовыми интересами и они сыграли свою трагическую роль въ кровавой судьбѣ современности. Завѣщанная прошлымъ столѣтіемъ недоразрѣшенность національной проблемы тоже сказала свое исторически вѣское слово. Отмахиваться отъ этихъ сторонъ вопроса, все «валить» на безличный имперіализмъ можетъ быть въ интересахъ очень многихъ, но никакъ не въ интересахъ міровой демократіи. [2])

---

[1]) См. *Kautsky*, Nationalstaat usw. S. 22 ff. *K. Renner* „Probleme des Ostens", „Der Kampf", 1915, № 4.

[2]) Въ этомъ отношеніи «Кіенталь» сумѣвшій подчеркнуть и политическія причины катастрофы, знаменуетъ громадный шагъ впередъ въ сравненіи съ крайне упрощеннымъ, «симплицистскимъ» взглядомъ „Циммервальда".

Представители догматическаго соціализма явились въ Циммервальдъ еще подъ слишкомъ свѣжимъ впечатлѣніемъ крушенія близкихъ имъ кумировъ, чтобы разрѣшить себѣ какую-нибудь «вольность», чтобы быть способными признать даже самоочевидность за таковую, если послѣдняя не укладывалась въ шаблонныя рамки традиціонныхъ предположеній.

Назвавъ современную войну имперіалистской, нельзя, конечно,—чѣмъ грѣшатъ дѣйствительно очень многіе,—впадать въ фетишизмъ понятій, думать, что историческое явленіе, особенно такого грандіознаго значенія, можетъ быть исчерпывающе, безъ остатка опредѣлено или объяснено только *одной* какой-нибудь причиной. Такой донаучный, дѣтскій „монизмъ“ долженъ быть чуждъ всякому серьезному изслѣдованію. Нигдѣ такъ внимательно и подробно не приходится анализировать также „побочныя“ на первый взглядъ причины, какъ въ исторіи, гдѣ причинность своеобразная, гдѣ мы имѣемъ дѣло не со статикой, а динамикой жизни, гдѣ „значительное“ часто оказывается по своимъ соціально-политическимъ послѣдствіямъ ничтожнымъ, а „ничтожное“ нерѣдко выростаетъ въ творческомъ процессѣ бытія въ великое и значительное.

Но всякое историческое явленіе имѣетъ свою *специфическую*, отличительную сторону. Таковой въ современной войнѣ является *ея имперіалистская природа*. Въ этомъ ея особый, добавочный признакъ, это даетъ ей самостоятельное мѣсто среди всѣхъ бывшихъ войнъ, *выдѣляетъ*, *индивидуализируетъ*. Познавать же въ исторіи какъ разъ и значитъ—выдѣлять, индувидуализировать.

Итакъ не только съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, но и съ точки зрѣнія критической соціологіи недопустимо искуственное выпячиваніе политическаго момента и совершенное игнорированіе одной изъ самыхъ могучихъ и показательныхъ стихій современности: національно капиталистическихъ антагонизмовъ, достигшихъ въ странахъ развитого капитализма максимальнаго напряженія. Въ этой перспективѣ война не знаетъ „личныхъ“ виновниковъ, она тяготѣетъ надъ всѣмъ укладомъ современности, есть суровый историческій судъ надъ прошлымъ.

Не отрицая, слѣдовательно, права разсматривать переживаемую нами эпоху и въ политическомъ аспектѣ, не отрицая, а подчеркивая, роль и значеніе цѣлаго ряда другихъ идеологическихъ факторовъ,—мы тѣмъ не менѣе считаемъ крайне незаконной попытку всю исторію послѣднихъ десятилѣтій объяснять *одной* политикой и тѣмъ самымъ закрывать глаза на тѣ громадныя значенія соціально-экономическія новообразованія, которыя характеризуютъ эту политику, даютъ ей смыслъ и содержаніе, дѣлаютъ ее для господствующихъ классовъ, поскольку они не испытываютъ на себѣ давленія демократіи, неизбѣжной.

Если однобокъ и научно непріемлемъ „экономическій монизмъ“, то еще болѣе однобокъ и непріемлемъ и „политическій монизмъ“. Проповѣдуемый же сторонниками соціальной философіи Маркса, онъ знаменуетъ лишь полную идеологическую растерянность и безпомощность ихъ предъ лицомъ суровой логики фактовъ.

V.

Марксисткій „максимализмъ“.

„Имперіализмъ есть та стадія капитализма, которая уже не знаетъ творчески созидательныхъ сторонъ. Въ противовѣсъ всѣмъ предыдущимъ фазамъ онъ знаменуетъ собою не ростъ, а разрушеніе производительныхъ силъ. Въ своемъ безпрепятственномъ развитіи онъ не приближаетъ, а удаляетъ насъ отъ соціализма“. Такова концепція марксисткихъ, „максималистовъ“.

Аргументацію соціалъ-имперіалистовъ преодолѣваютъ они не тѣмъ, что открещиваются отъ имперіализма, какъ отъ злой силы, политическими заклинаніями, а тѣмъ, что *объявляютъ капиталистическую эволюцію къ соціализму*

законченной и въ имперіализмѣ видятъ не этапъ къ соціализму, а, наоборотъ, разрушительную стихію, покушающуюся на уже созданныя предыдущими стадіями объективныя предпосылки его реализаціи.

„Имперіализмъ—читаемъ мы у одного изъ самыхъ видныхъ представителей этого направленія, скрывшагося подъ псевдонимомъ Iunius'a—со всей своей брутальной политикой и цѣпью непрерывныхъ, вызванныхъ имъ, соціальныхъ катастрофъ, конечно, *историческая необходимость* для господствующихъ классовъ современнаго капиталистическаго міра. Но изъ признанія неизбѣжности имперіализма не вытекаетъ необходимость капитуляціи пролетаріата передъ нимъ съ перспективой слѣдовать за нимъ, какъ тѣнь, и получать послѣ каждой побѣды его пару полуобглоданныхъ костей“ [1]).

„Экспансіонная тяга капитализма, какъ выраженіе его высшей зрѣлости, его послѣдней жизненной фазы, имѣетъ тенденцію, поднявъ весь міръ на ступень капиталистическаго производства, смести всѣ старыя, докапиталистическія формы общественности и превратить всѣ богатства міра и всѣ средства производства въ капиталъ, рабочіе же классы всѣхъ зонъ—въ наемныхъ рабовъ“.

„Это брутальное шествіе капитализма по міру имѣло *одну свѣтлую сторону*: оно создавало предпосылки для своего собственнаго, радикальнаго уничтоженія. Оно создавало всемірное господство капитала, т. е. обсолютно неизбѣжное условіе для наступленія всемірнаго соціалистическаго переворота. Въ этомъ заключалась единственная культурно-прогрессивная сторона такъ наз. цивилизаторской миссіи капитализма въ странахъ исторически отсталыхъ. Только постольку, поскольку капитализмъ создавалъ матеріальныя предпосылки для собственнаго уничтоженія, побѣдоносное шествіе его было отмѣчено знакомъ прогресса—въ широкомъ, историческомъ значеніи этого слова. Въ такомъ смыслѣ, въ конечномъ счетѣ, и *имперіализмъ въ прошломъ работалъ для насъ*.

„*Но современная война знаменуетъ крутой поворотъ на его жизненномъ пути*... Плоды жертвъ и трудовъ цѣлыхъ поколѣній уничтожаются въ нѣсколько недѣль, основное ядро интернаціональнаго пролетаріата подвергается въ самой сердцевинѣ своей уничтоженію. Еще одна такая міровая война и надежды соціализма будутъ похоронены подъ развалинами имперіалистическаго варварства. Рука поднята не на буржуазную культуру прошлаго, а на соціалистическую будущаго... *Здѣсь обнажаетъ капитализмъ свой мертвый черепъ, здѣсь выдаетъ онъ тайну, что историческое право на его существованіе уже истекло, что дальнѣйшее его господство несовмѣстимо съ прогрессомъ человѣчества*“.

Такая оцѣнка имперіализма—вѣрнѣе послѣдней фазы его—удобна въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны не приходится отрицать самый фактъ существованія новой стадіи капитализма; съ другой—примѣнительно къ ней можно рекомендовать *принципіально* иное поведеніе, ибо традиціонный тактическій дуализмъ, требовавшій на ряду съ охраной интересовъ труда бережнаго—по меньшей мѣрѣ!—отношенія къ „тенденціямъ развитія“, находитъ въ имперіалистской эпохѣ свою естественную границу.

Бережно должно было относиться къ капиталистической эволюціи лишь постольку, поскольку она создавала элементы грядущаго, трудового хозяйства, въ тотъ же моментъ, какъ предпосылки соціализма уже даны, какъ дальнѣйшее развитіе ничего хорошаго въ этомъ отношеніи не обѣщаетъ или сулитъ много отрицательнаго, тактика марксистовъ должна радикально измѣниться: изъ „эволюціонистовъ приспособленцевъ“ они должны сразу стать революціонерами максималистами. „Наша необходимость—читаемъ мы у того же Iunius'a—вступаетъ въ свои *полныя права* въ тотъ моментъ, когда та другая необходимость—классовое господство буржуазіи перестаетъ быть носительницей исто-

[1]) Iunius «Die Krise der Sozialdemokratie» Zürich, 1916.

рическаго прогресса, какъ только она дѣлается препятствіемъ, становится опасностью для дальнѣйшаго развитія общества". „Капитализмъ—говоритъ другой видный представитель „максимализма" Германъ Гортеръ—достигъ въ своемъ развитіи послѣднихъ вершинъ... Уничтоженіемъ свободной конкуренціи, созданіемъ финансовыхъ, индустріальныхъ и транспортныхъ монополій, наконецъ, имперіализмомъ, распространяющимъ эти институты по всему міру,—онъ сказалъ свое послѣднее слово" [1]).

Лозунгъ дня сейчасъ не „черезъ капитализмъ къ соціализму", а „соціализмъ вопреки капитализму": „Entweder Imperialismus, oder Socialismus"—такова по мнѣнію марксистовъ-максималистовъ роковая альтернатива современности.

Каутскій и Гильфердингъ, какъ извѣстно, считаютъ такую постановку проблемы крайне *опасной*. Опасной главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи большого запаса немотивированнаго соціальнаго оптимизма очень легко, почти неизбѣжно, послѣдовательно разсуждая, очутиться въ лагерѣ соціалъ-имперіалистовъ. Но несогласіе ихъ касается лишь перваго члена альтернативы: вопроса объ исторической необходимости имперіализма. Имперіализмъ для нихъ, какъ мы видѣли, не экономическая фаза, которая можетъ быть преодолѣна лишь слѣдующей и „высшей" фазой, а политическая категорія, которой можно противопоставить еще въ предѣлахъ современнаго буржуазнаго общества другую, болѣе разумную и цѣлесообразную. Такимъ путемъ создается теоретическая возможность „непріятія" имперіализма и для тѣхъ, кто не вѣритъ въ близкое наступленіе царства свободы; „непріятіе" не на почвѣ радикальнаго отрицанія настоящаго во имя „будущаго", какъ реальной возможности ближайшаго времени, а на почвѣ частичнаго улучшенія настоящаго, видоизмѣняя его международную политику въ интересахъ будущаго [2]).

Но этимъ нисколько не предрѣшается вопросъ, имѣются ли уже сейчасъ въ наличности *объективныя* условія наступленія „будущаго". Вѣра въ экономическую зрѣлость соціализма является сейчасъ общимъ достояніемъ, какъ лѣваго максималистскаго крыла, такъ и „центра".

„Очень широко и расплывчато—говоритъ Каутскій—понятіе того, что мы разумѣемъ подъ исторически необходимой степенью развитія капитализма, какъ условія соціализма. [3]) Я считаю, что *объективныя* условія, предпосылки соціализма уже даны въ капиталистическихъ странахъ; другое дѣло *субъективныя*: они посложнѣе, ихъ нельзя установить статистически, они вносятъ большую неясность въ вопросъ объ исторической зрѣлости соціализма".

Также Гильфердингъ думаетъ, что только подъ властью „невозможнаго фатализма" вырабатывается представленіе о „соціалистической незрѣлости современныхъ общественныхъ отношеній", о „еще предстоящей длительной полосѣ капиталистическаго хозяйства". [4]) „Въ дѣйствительности—гов. онъ—вопросъ о зрѣлости капитализма есть вопросъ не экономическаго, а политическаго характера".

Такія и подобныя этимъ заявленія встрѣчаются сейчасъ очень часто въ интернаціонально ріентирующемся лагерѣ марксистовъ. Почти вся нѣмецкая оппозиція, почти все лѣвое крыло голландской партіи, почти всѣ русскіе марксисты „большевистскаго" толка—всѣ ищутъ здѣсь теоретической опоры противъ натиска соціалъ-имперіалистовъ. Правъ Куновъ, когда говоритъ, что

---

[1]) *Herman Gorter*, Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Sozialdemokratie.

[2]) Къ этому вопросу Каутскій снова возвращается въ послѣдней книгѣ «Neue Zeit». Amsterdam 1915 (перев. съ голландскаго), S. 92.

[3]) *Kautsky*, «Zwei Schriften zum Umlernen», N. Z., 1915, № 5, S. 141.

[4]) *R. Hilferding*, «Hist. Notwendigkeit u. notw. Politik», «Der Kampf», 1915, H. 5, S. 210.

взглядъ на капитализмъ, какъ на „экономически уже „отхозяйничавшую“ категорію, живущую почти что искусственно, путемъ гальванизаціи, сталъ новой *догмой* цѣлаго крыла марксистовъ. Правъ потому, что абсолютно нельзя это *доказать*. Здѣсь сфера не знанія, а исключительно гаданія и вѣры, и что для одного убѣдительно—абсурдно для другого.

Когда Куновъ, Ленчъ, Генишъ и другіе „ортодоксы“ утверждаютъ, что капитализмъ не только не „отхозяйничалъ“, но что передъ нимъ еще громадное будущее, въ пользу ихъ *догмы* говоритъ по меньшей мѣрѣ послѣдовательность міровоззрѣнія. Они не отрываютъ, какъ это дѣлаютъ „максималисты“ и поддерживающій ихъ центръ, экономики отъ политики, не противопоставляютъ ихъ, а пытаются, какъ всегда поступали ученики Маркса и Энгельса, одно свести къ другому, одно объяснить другимъ. И обнаружившійся фактъ политической немощи рабочаго класса служитъ для нихъ доказательствомъ не полной экономической зрѣлости капитализма, а его *незрѣлости*. Они продолжаютъ смотрѣть на исторію глазами Маркса и, какъ онъ, видятъ въ ней „процессъ, управляемый законами, не только независимыми отъ воли, сознанія и намѣренія человѣка, но наоборотъ *ихъ опредѣляющими*“. Для нихъ, какъ раньше для всѣхъ марксистовъ, вмѣстѣ съ *„объективными“* посылками · *должны быть даны* и „субъективныя“ и отсутствіе послѣднихъ лучшее доказательство отсутствія и первыхъ.

Впрочемъ, справедливость, заставляетъ замѣтить, что по существу, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны споръ носитъ чисто схоластическій, безпредметный характеръ. И по вполнѣ понятной причинѣ. Самый предметъ спора созданъ ложнымъ взглядомъ на историческую эволюцію, какъ на процессъ экономическихъ трансформацій, механически подчиняющихъ себѣ всѣ стороны многогранной жизни человѣческихъ обществъ, могущихъ всегда служитъ критеріемъ для расцѣнки всѣхъ эпохъ, а также промежуточныхъ, переходныхъ стадій. Дѣйствительность же даетъ намъ не атомизированный, разложенный по разнымъ департаментамъ, а *единый* соціальный процессъ, который въ реальности своего бытія не знаетъ ни *чистой* экономики, ни *чистой* политики, ни чистой этики, ни чистой эстетики и т. д., который въ существѣ своемъ *единозначимъ*, *недѣлимъ*. Конечно, для удобства анализа можно и должно *въ абстракціи* представлять себѣ единый потокъ жизни разбитымъ на нѣсколько параллельно текущихъ ручейковъ, можно и должно отдѣльно писать политическую, экономическую, этическую, эстетическую и т. д. исторію той или иной эпохи. Но нельзя во всѣхъ этихъ случаяхъ забывать одного: что мы *сознательно* упрощаемъ дѣйствительность по опредѣленному, заранѣе выработанному плану и критерію; что мы съ цѣлью преодолѣть экстенсивное и интенсивное многообразіе этой дѣйствительности, ея ирраціональность, покрываемъ ее, какъ это мы дѣлаемъ со всей нашей планетой, *гипотетической* сѣтью всевозможныхъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ дѣленій.

Въ самой постановкѣ проблемы объ чисто экономической зрѣлости капитализма для наступленія соціализма заключается, такимъ образомъ, ложный некритическій, или вѣрнѣе было бы сказать, докритическій взглядъ на природу историческаго бытія. Такъ ставить вопросъ могутъ лишь тѣ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія *„соціальчаго плюрализма“*, кто убѣжденъ, что параллели и меридіаны существуютъ въ реальности, кто гипостазировалъ свои научныя абстракціи и увязъ обѣими ногами въ метафизикѣ.

И положеніе не спасаютъ, а ухудшаютъ тѣ, которые пытаются преодолѣть плюрализмъ произвольнымъ сведеніемъ цѣлаго ряда абстрагированныхъ сторонъ исторической жизни къ какой-нибудь одной: будь то „экономика“, будь то „политика“, будь то чистая „идеологія“. Такой „монизмъ“ есть мета-

физика худшаго сорта, ибо, раздѣляя всѣ слабыя стороны всякой метафизики, она еще имѣетъ тяготѣніе *безсознательно* упрощать дѣйствительность, давать ея отраженіе въ кривомъ, уродующемъ зеркалѣ.

Только метафизическимъ характеромъ самаго вопроса: „отхозяйничалъ ли уже капитализмъ“, можно объяснить поразительную неплодотворность всей связанной съ нимъ дискуссіи. Одни догматически доказываютъ одно, другіе— другое. Но ни одни, ни другіе не приводятъ никакихъ доказательствъ. Больше того: ни одна, ни другая сторона даже не попыталась до сихъ поръ установить конститутивныхъ признаковъ „капиталистической зрѣлости“. Взамѣнъ этого сейчасъ затѣянъ ими довольно курьезный споръ: на чью долю выпадаетъ „onus probandi“; что должно доказывать: „зрѣлость“ или „незрѣлость“ [1]).

Также трудно „доказать“ вторую посылку марксистскаго максимализма, именно, что въ одинъ прекрасный день всѣ капиталистическія страны — независимо отъ высоты ихъ индустріальнаго развитія — точно по мановенію волшебной палочки, очутились у той таинственной демаркаціонной линіи, гдѣ по одну сторону только прогрессъ: накопленіе элементовъ трудового общества; по другую только регрессъ: разрушеніе уже созданныхъ въ этомъ направленіи цѣнностей.

Для того, чтобы такое утвержденіе имѣло хоть нѣкоторую видимость убѣдительности, приходится впадать въ другую крайность и маниловскому проэкту „всемірныхъ штатовъ“ Каутскаго противопоставить демоническую картину цѣлой полосы непрерывныхъ имперіалистскихъ войнъ съ перспективой безпредѣльнаго и безостановочнаго *разрушенія* производительныхъ силъ.

„Какъ только мы познали, пишетъ Карлъ Зейтцъ, что предстоитъ полоса непрерывныхъ имперіалистическихъ войнъ, и что онѣ не приведутъ пролетаріатъ ближе къ его цѣли, а наоборотъ ослабятъ его физическую и духовную сопротивляемость, — дорога, по которой мы въ будущемъ должны идти для насъ указана“. Она тогда лежитъ уже не по линіи естественнаго развитія капитализма, а по линіи его преодолѣнія. „Мы должны организовать, стать носителями обратныхъ, *противоборствующихъ его развитію* тенденцій“ [2]). Или словами Iunius'a „нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ если пролетаріатъ, хотя бы въ минимальной степени, сохранитъ иллюзіи и надежды на возможность мирнаго, идиллическаго развитія капитализма въ будущемъ“ [3]).

Мы бы сказали: вредно злоупотреблять розовыми, красками, но и не рекомендуется злоупотреблять черными. Въ конкретномъ же случаѣ первое и второе немотивированно и не имѣетъ силы внутренней убѣдительности.

---

[1]) Нельзя также считать аргументомъ слѣдующія соображенія Каутскаго: «утверждать, что побѣда нашего дѣла возможна лишь въ самомъ отдаленномъ будущемъ—значитъ создавать почву для новаго разочарованія пролетаріата, значитъ его существенно ослаблять,— ибо большія массы не направляются цѣлями, о которыхъ съ увѣренностью знаютъ, что имъ не суждено реализоваться въ ближайшія десятилѣтія»; или: «увѣренія соціалистовъ, что еще долго нельзя будетъ подкопаться подъ капитализмъ въ высшей степени вредятъ пролетарскому движенію». (*K. Kautsky*, N. Z., 1915, № 9, S. 265).—Это не аргументъ ни въ какомъ смыслѣ. Во-первыхъ вопросъ стоитъ не въ плоскости «вреда» и «пользы», а въ плоскости «правды» и «неправды». Во вторыхъ совершенно ложно утвержденіе, что «широкія массы» страдаютъ какимъ то идеалистическимъ дальтонизмомъ, что онѣ органически неспособны на жертвы во имя отдаленныхъ классовыхъ и общечеловѣческихъ цѣнностей, что ихъ можно подвинуть лишь на то, во что онѣ непосредственно упираются кончикомъ носа. Какъ ни печальна современная дѣйствительность, она не даетъ достаточно поводовъ для такого крайняго *пессимизма*. Имъ могъ пропитаться—въ силу психологической реакціи— лишь тотъ, кто раньше классовый идеализмъ считалъ простымъ механическимъ придаткомъ къ классовому положенію; кто мѣсто рожденія спеціально трудового идеализма видѣлъ не столько въ умѣ и совѣсти человѣка, сколько въ фабричномъ котлѣ.

[2]) *Karl Seitz*, «Imperialistische oder proletarische Weltpolitik», «Der Kampf», 1915 № 3, S. 101.

[3 Указ.

Второй Интернаціоналъ, въ лицѣ господствовавшаго міровоззрѣнія, такъ сильно страдалъ отъ неумѣнья оцѣнить силы своихъ соціальныхъ враговъ, способности ихъ находить выходъ изъ самыхъ сложныхъ коллизій и противорѣчій, продиктованныхъ стихійнымъ процессомъ развитія капитализма, что было бы крупной и опасной ошибкой повторять этотъ печальный опытъ.

Раньше догматическій соціализмъ временно примирялъ демократію съ сущимъ, подмѣняя дѣйствительность весьма пріятной фантазіей стихійнаго преодолѣнія капитализма путемъ накопленія внутреннихъ противорѣчій въ національныхъ хозяйственныхъ единицахъ. Сейчасъ, желая поставить демократію въ оппозицію къ капитализму, марксисты максималистскаго толка создаютъ столь же фантастическую картину грядущаго свѣтопредставленія отъ накопленныхъ противорѣчій межгосударственнаго, международнаго характера. И если „соціальный оптимизмъ“ раньше диктовался психологіей безсилія и внутренней дряблости, то „соціальный пессимизмъ“ максималистовъ диктуются не болѣе здоровой психологіей паники и отчаянія.

Положеніе: „либо завтра соціализмъ, либо имперіализмъ обратитъ міръ въ пустыню и подъ развалинами современности похоронитъ культуру будущаго“—столь же мало оправдано критическимъ анализомъ, сколько обратное положеніе соціалъ-имперіалистовъ: „не мѣшайте имперіализму дѣлать свое дѣло и онъ приведетъ къ соціализму“.

Несомнѣнно, имперіалистская фаза капитализма въ большей степени, чѣмъ всѣ предыдущія, чревата конфликтными, и менѣе богата творчески созидательными сторонами. Но разница тѣмъ не менѣе лишь *количественная* и ни въ какомъ случаѣ не качественная. Раньше всего, большинство капиталистическихъ странъ еще далеко не вышли за предѣлы „манчестерства“ и къ типичному имперіализму финансоваго капитализма имѣютъ самое косвенное отношеніе. Затѣмъ, и манчестерская эпоха не мало рождала конфликтныхъ возможностей, которыя порой, подъ вліяніемъ ряда политическихъ факторовъ, принимали весьма актуальныя и дѣйственныя формы. Наконецъ, и это самое важное, нужно считаться съ возможностью *притупленія* въ будущемъ конфликтныхъ сторонъ имперіализма подъ вліяніемъ колоссальнаго, небывалаго въ исторіи, *финансоваго разоренія* Европы и перенесенія буржуазіей центра тяжести своего вниманія на отстаиваніе своихъ классовыхъ, внутригосударственныхъ позицій. При чемъ отстаиваніе—на два фронта, ибо верховныя цѣнности буржуазіи: институтъ частной собственности и наемнаго труда терпятъ государственную регламентацію лишь въ опредѣленной мѣрѣ и до извѣстной черты. Проэктируемая пока лишь въ Германіи частичная „экспропріація экспропріаторовъ“ въ интересахъ пониженія государственной задолженности, врядъ ли послужитъ новымъ стимуломъ для особой „воинственности“ и для рискованныхъ авантюръ.

Итакъ, возможно, что мы вначалѣ цикла имперіалистскихъ войнъ; но не менѣе вѣроятно, что это война, потребовавшая такихъ неслыханныхъ жертвъ, грозящая оттодвинуть экономически всю Европу на задній планъ, посягающая, слѣдовательно, не только на жизненные интересы трудовыхъ слоевъ общества, но—до извѣстной степени—и господствующихъ классовъ, что какъ разъ она заставитъ современныя имперіалистскія государства искать путей къ продолжительному перемирію, къ длительному, хотя бы и худому, „миру“:

Тактику демократіи ни въ коемъ случаѣ нельзя сейчасъ ставить въ зависимость отъ той или иной *гадательной* возможности; она должна исходить изъ оцѣнки *собственныхъ* силъ и не приспособляться къ игрѣ враждебной ей—и въ одномъ и въ другомъ случаѣ—стихіи, а *приспособлять ее*. Буржуазія въ достаточной степени показала, что она умѣетъ обходить предательскіе подводные камни, умѣетъ благополучно для своихъ классовыхъ позицій разрѣшать всѣ возникающія „противорѣчія“, умѣетъ выходить „сухой“ изъ воды. И нельзя

апріорно доказать, что то, что ей удавалось въ національно государственныхъ рамкахъ не удастся ей въ міровомъ масштабѣ, что есть какой-то надъ нею стоящій „фатумъ“, въ лицѣ конфликтныхъ сторонъ имперіализма, который „обрекъ“ ее на смерть и разореніе.

„Никакимъ образомъ нельзя доказать—говоритъ интернаціонально оріентирующаяся марксистка Генріетта Ролландъ-Гольстъ—что войны съ той же неизбѣжностью и необходимостью вытекаютъ изъ характера современнаго хозяйства, съ каковой, напримѣръ, вытекаетъ присвоеніе части заработка въ видѣ неоплаченнаго труда. Развитіе синдикатовъ и картелей показываетъ, какъ капитализмъ можетъ преодолѣвать конкуренцію“ [1]). „Нельзя утверждать—говоритъ также Гансъ Дейтшъ — что капитализмъ лишенъ способности, преодолѣвать свои внутреннія противорѣчія, каковыми фактически являются и антагонизмы интересовъ, приведшихъ сейчасъ къ трагической развязкѣ. Такой взглядъ противорѣчитъ... опыту ближайшихъ десятилѣтій. Капитализмъ не только сумѣлъ настолько справиться съ хозяйственными кризисами, что грозившая ему съ этой стороны непосредственная опасность совершенно исчезла, но онъ сумѣлъ также приспособиться къ организованной силѣ рабочаго класса. Нельзя поэтому апріорно утверждать, что онъ не найдетъ въ себѣ умѣнья „удовлетворительно“ разрѣшить проблемы міровой экономической политики“ [2]).

Но если этого нельзя „апріорно утверждать, тогда и дѣленіе имперіалистской эпохи въ духѣ Iunius'a на двѣ части: до войны, гдѣ „имперіализмъ работалъ на насъ“, и послѣ войны, гдѣ „онъ работаетъ противъ насъ“— произвольно со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Если вѣрна посылка, что „имперіализмъ работалъ на насъ“ въ прошломъ, то по меньшей мѣрѣ законны ожиданія соціалъ-имперіалистовъ, что онъ и впредь себя оправдаетъ, и еще... „поработаетъ„.

„Максимализмъ“ и „соціалъ имперіализмъ“, какъ они тактически въ данную минуту ни полярны, теоретически—родные братья. Оба пытаются строить свои сооруженія на „твердокаменныхъ“ принципахъ, оба поэтому ни отъ чего не отказываются изъ наслѣдства догматическаго соціализма.

Это «родство» особенно рельефно проявилось на теоретическомъ „credo“, такъ наз., группы „Linksradikale“.

Какъ ни мало убѣдительно произвольное дѣленіе по случайному признаку цѣлой исторической полосы на двѣ части, съ надѣленіемъ одной изъ нихъ только положительными знаками, другой — только отрицательными, — такое хирургическое отношеніе къ дѣйствительности тѣмъ не менѣе понятно, поскольку ясно осознана уже необходимость *новой* тактики и еще не осознана необходимость новой исторической теоріи. Безъ пересмотра сейчасъ не обойтись. Это ясно почти для всѣхъ. Несоотвѣтствіе между ожиданіями, которыя возлагалъ догматическій соціализмъ на капиталистическую эволюцію и тѣмъ, что она въ реальности дала — вопіюще. Необходимо въ дальнѣйшемъ болѣе критическое и менѣе „толстовское“ отношеніе къ объективному, стихійному процессу развитія. Оправдать же такое новаторство теоретически можно двояко: либо внеся коррективъ въ историческую теорію марксизма, либо внеся коррективъ въ самою *исторію*, согласно гегелевскому правилу: „тѣмъ хуже для фактовъ“. Максималисты въ цѣломъ пошли именно этимъ путемъ. Они предпочли произвольно интерпретировать дѣйствительность, чѣмъ пересмотрѣть *критерій* своей интерпретаціи.

---

[1]) *Henriette Roland Holst*, «Sozialistisch proletariaat en de vrede», Het I Amsterdam, I. I. Bos, S. 34.

[2]) *Hans Deitsch*, „Die ökonomische Mächte u. der Krieg“, „Der Kampf, 1915, № 4, S. 180.

„Лѣво-радикалы“ же въ своихъ „тезисахъ“ и этого не сдѣлали. Поэтому единственная загородочка, которая отдѣляла ихъ въ теоріи отъ соціалъ-имперіалистовъ падаетъ, и къ своимъ тактическимъ выводамъ они проходятъ уже исключительно путемъ вопіющихъ противорѣчій, вопреки всѣмъ правиламъ формальной логики.

Въ параграфѣ девятомъ тезисовъ [1]) мы читаемъ, что имперіализмъ—*смертельный врагъ* пролетаріата, „*хотя* онъ и раздѣляетъ съ предыдущими фазами капитализма *общую судьбу*: *увеличиваетъ силы пролетаріата* пропорціонально собственному росту“. „Имперіализмъ — читаемъ мы дальше — ускоряетъ концентрацію капиталовъ, уничтожаетъ промежуточные классы, содѣйствуетъ росту пролетаріата, будитъ все растущую сопротивляемость массъ и ведетъ къ интенсивному обострѣнію классовой борьбы, тѣмъ не менѣе „противъ него въ первую голову должна быть сосредоточена классовая борьба какъ въ мирное, такъ и въ военное время“. Что здѣсь концы съ концами не связаны, ясно съ перваго взгляда. Контрабандным путемъ сюда вновь доставлено ржавое оружіе оптимистическаго фатализма, но за полной своей негодностью оно не только не находитъ никакого разумнаго примѣненія, но солидно мѣшаетъ отступать „максималистамъ на заранѣе приготовленныя тактическія позиціи.

Если имперіализмъ дѣйствительно „увеличиваетъ силы пролетаріата пропорціонально собственному росту“, тогда обсолютно правы соціалъ-имперіалисты, оцѣнивающіе дѣйствительный „интернаціонализмъ“, какъ бунтъ *ретроградныхъ* элементовъ противъ историческаго развитія“, и настойчиво требующіе „бережнаго отношенія къ имперіализму“, какъ къ творческой фазѣ капитализма на діалектическомъ пути его развитія. Правы уже не только тогда, когда апеллируютъ къ теоретическимъ традиціямъ марксизма и пріемственности, но и тогда, когда апеллируютъ къ здравому смыслу.

Можно и должно спорить противъ посылокъ соціалъ-имперіализма, особенно противъ историческаго фатализма и оптимистической оцѣнки переживаемой нами хозяйственной стадіи. Но пріявши его посылки, нельзя не сдѣлать единственно возможныхъ выводовъ. Въ противномъ случаѣ вращаешься, какъ бѣлка въ колесѣ, въ собственныхъ противорѣчіяхъ и каждымъ послѣдующимъ утвержденіемъ сводишь на нѣтъ предыдущее.

Вотъ классическій образецъ такой теоретической „чехарды“.

„Какъ только мы познали—говоритъ Карлъ Зейтцъ—какую-нибудь необходимость капиталистическаго развитія, мы не дѣлаемъ безполезныхъ попытокъ стать ей поперекъ дороги. Но мы остаемся къ ней, тѣмъ не менѣе, *въ оппозиціи* (!) и отказываемся быть носителями этого развитія. Этотъ отказъ однако *не есть* пассивный фатализмъ, наоборотъ: мы дѣлаемъ *попытки* (!) организовать и мобилизовать противоборствующія тенденціи“.

„Капиталистическое развитіе ведетъ къ экспансіи, къ включенію „сферъ интересовъ“, къ колоніальной политикѣ, къ имперіализму. Эта тенденція *непреодолима*, она не можетъ быть нами устранена. Имперіализмъ это та стадія, въ которой отсталыя страны пріобщаются къ цивилизаціи (!) и *мы не можемъ желать*, чтобы такое развитіе совсѣмъ (!) прекратилось. Также современная война есть капиталистическая необходимость“. Тѣмъ не менѣе „имперіалистическая политика никогда не можетъ стать политикой пролетаріата“ [2]).

Какъ на тезисахъ „лѣворадикаловъ“, такъ и на построеніяхъ Зейтца роковымъ образомъ сказалось, сколь живучи еще канонизированныя догмой теоретическіе предразсудки, въ какой мѣрѣ мѣшаютъ они вырваться плѣнной

[1]) «Leitsätze über die Aufgaben der internationalen Sozial-demokratie». (Приложены къ книжкѣ Junius'a).

[2]) *Karl Seitz*, «Imperialistische oder proletarische Weltpolitik».

мысли изъ сложной сѣти противорѣчій и цѣпко держатъ даже интернаціонально оріентирующіеся умы на позиціяхъ, которыя сулятъ лишь одно: медленную капитуляцію передъ соціалъ—имперіализмомъ.

Даже „смертельный врагъ пролетаріата", даже стихія готовая „похоронить надежды и упованія соціализма" —даже они въ силу умственной инерціи принимаютъ шаблонныя очертанія безсознательныхъ агентовъ демократіи, фигурируютъ въ роли силъ, „работающихъ для насъ"! Воистину неисповѣдимы пути Господни!

* * *

Вполнѣ понятно, что и противорѣчивая, сбивчивая, „быстро скроенная и плохо сшитая" концепція „марксистскаго максимализма"—какъ высоко ни цѣнить въ каждомъ конкретномъ случаѣ его новаторскую тактику—не въ силахъ создать серьезнаго теоретическаго оплота противъ соціалъ-имперіализма, послужить идейнымъ ферментомъ для новаго, „во грозѣ и бурѣ" рождающагося Интернаціонала...

Создается поэтому естественное стремленіе въ средѣ самихъ марксистовъ „провѣрить" нѣкоторыя, питающія противорѣчія посылки своего міровоззрѣнія, вооружиться *новымъ* идейнымъ оружіемъ.

Вмѣсто искуственной интерпретаціи фактовъ, въ цѣляхъ втиснуть ихъ въ прокрустово ложе„ непогрѣшимой" догмы, вмѣсто произвольныхъ дѣленій исторіи на двѣ діаметрально противоположныя по своему внутреннему смыслу фазы съ принципіально разнымъ къ нимъ отношеніемъ, вмѣсто схоластическихъ споровъ, наступила ли уже „наша" необходимость, или во всѣхъ своихъ правахъ еще „ихъ" необходимость, гдѣ лежитъ эта мистическая, демаркаціонная линія, вмѣсто туманныхъ ни на чемъ неосновательныхъ гаданій на тему „что день грядущій намъ готовитъ", циклъ ли имперіалистскихъ войнъ, или худой буржуазный миръ въ видѣ «ультра-имперіалистической" эпохи,—вмѣсто всего этого встаетъ и передъ сознаніемъ нѣкоторыхъ марксистовъ вопросъ: должна ли вообще трудовая демократія линію своего творческаго „міровоздѣйствія" ставить въ непосредственную зависимость отъ результатовъ такихъ, зачастую псевдонаучныхъ исканій; обязана ли она вообще передъ теоретической совѣстью своей пріять ренегатскую практику соціалъ—имперіализма, если даже допустить, что онъ безошибочно указалъ вѣхи дальнѣйшаго развитія капитализма; правильно ли вообще до сихъ поръ смотрѣли въ рядахъ марксистовъ на характеръ исторической эволюціи и на роль стихійныхъ процессовъ, какъ дѣйственныхъ агентовъ соціальнаго прогресса, не нуждается ли все міровоззрѣніе *въ соціально-философской части своей* въ радикальной провѣркѣ, въ критическомъ пересмотрѣ?

„Der Revisionismus ist garnichts anders, als unsere bisherige bewährte Taktik“ (Kolb, Prot. Dresd. Part. 1913, S. 349).

VI.

Правый ревизіонизмъ.

„Ревизіонизмъ“—явленіе неновое для нѣмецкаго соціализма. Онъ имѣетъ въ германской соціальдемократіи богатую и весьма поучительную исторію. Не зная ея, не зная генезиса стараго, „праваго“ ревизіонизма нельзя съ достаточной ясностью понять и теоретическихъ корней новаго, „лѣваго“ ревизіонизма, нельзя найти въ этомъ новообразованіи элементовъ логической и исторической преемственности.

До сихъ поръ существовалъ самый превратный взглядъ на характеръ „бернштейніанства“, на истинную природу теоретическаго ревизіонизма и его практической философіи.

„Ортодоксы“, занятые чаще всего одной тревожной мыслью, какъ бы сохранить въ полной неприкосновенности все теоретическое наслѣдство Маркса, какъ бы отстоять его отъ ударовъ, неожиданно обнаруженныхъ въ собственномъ лагерѣ повстанцевъ,—всецѣло ушли въ сложныя діалектическія интерпретаціи и толкованія ученія. При этомъ они, какъ это часто бываетъ, „слона“ то и не „примѣтили“, просмотрѣли такое обстоятельство, что *ревизіонизмъ* былъ не злой выдумкой Эд. Бернштейна, а *явился идеологическимъ отраженіемъ реальнаго положенія вещей* во всей германской соціальдемократіи, что *онъ лишь устанавливалъ давно нарушенное равновѣсіе между теоріей и практикой, между словомъ и дѣломъ*.

Въ своемъ зарожденіи и первыхъ стадіяхъ развитія германскій соціализмъ шелъ подъ знакомъ тѣхъ ультраоптимистическихъ ожиданій и чаяній, которыя нашли свое классическое выраженіе въ „коммунистическомъ манифестѣ“. Карикатурно переоцѣнивая творчески-созидательныя стороны капитализма, до смѣшного не дооцѣнивая его разрушительныхъ, „приспособляющихъ“ сторонъ, марксизмъ съ часу на часъ ждалъ великой стихійной катастрофы, великаго соціальнаго потрясенія.

Марксъ и Энгельсъ, какъ извѣстно, уже въ 1849 г. считали капиталистическую эволюцію завершенной и все готовымъ для торжества демократіи.

Торжество, къ сожалѣнію, не состоялось. Тѣмъ не менѣе отцы „научнаго соціализма“ еще долго не снимали парадныхъ одеждъ, откладывая „крушеніе“ лишь на самый короткій срокъ: „до слѣдующаго большого экономическаго кризиса“—какъ писали они въ 1850 г. въ „Новой Рейнской газетѣ“.

Въ 1891 г. Энгельсъ вновь публично заявилъ, что ждетъ въ Германіи къ концу столѣтія „великое потрясеніе“ („Kladderadatsch“!), въ результатѣ котораго политическая власть окажется въ рукахъ пролетаріата.

Въ скорое пришествіе соціализма вѣрило—и очень долго—большинство марксистскихъ теоретиковъ и вождей. Извѣстно заявленіе Бебеля въ 1891 г. на эрфутскомъ партейтагѣ, гдѣ онъ высказывалъ твердое убѣжденіе, что лишь немногіе изъ членовъ партейтага не увидятъ собственными глазами распада стараго общества“ [1]). Мерингъ двадцать лѣтъ тому назадъ видѣлъ въ германъ-

[1]) «Protokoll über die Verhandl. des Parteitags zur Erfurt», 1891, Berlin 1891, S. 172.

ской буржуазіи „агонизирующій, безнадежно-прогнившій классъ". Въ томъ же духѣ характеризовалъ ее и старикъ Либкнехтъ на Штутгардскомъ партейтагѣ въ 1898 г. [1]). А незадолго до этого, на интернаціональномъ конгрессѣ въ Лоннѣ *въ 1896 г.* была даже предложена международному съѣзду соотвѣтствующая резолюція. „Экономическое развитіе—гласила она—такъ далеко ушло впередъ, что можетъ скоро наступить кризисъ. Конгрессъ предлагаетъ поэтому рабочимъ всѣхъ странъ изучить руководство производствомъ, дабы быть въ состояніи перенять его въ интересахъ всего общества".

Но всякимъ заблужденіямъ, даже „научнаго соціализма" есть предѣлъ, и вѣра въ скорое чудесное избавленіе, какъ ни пытались ее искусственно поддерживать, начала угасать.

Уже самъ *Энгельсъ* въ предисловіи къ новому изданію работы Маркса „Классовая борьба во Франціи въ 1840—1850 гг." вынужденъ былъ признать, что исторія опровергла розовыя надежды и показала, что въ тотъ моментъ, когда онъ и Марксъ считали капиталистическую эволюцію уже законченной, она фактически лишь начиналась. И ультро-ортодоксальный *Куновъ* уже не рѣшился въ 1912 г. въ полемикѣ съ Бернштейномъ отрицать, что „аккумуляція капитала даже въ отдаленной степени не происходить въ томъ ускоренномъ темпѣ, который рисовался Марксу и Энгельсу" [2]). Наконецъ и *К. Каутскій* долженъ былъ въ 1909 г. съ грустью констатировать, „что никогда не было такъ трудно, какъ сейчасъ, предсказать форму и темпъ будущаго развитія, ибо всѣ подлежащіе учету факторы, исключая пролетаріатъ (къ сожалѣнію и онъ исключенія не составилъ! Б. К.) такъ неуловимы и неопредѣлимы. Опредѣлима лишь общая неопредѣлимость" [3]) „Періодъ энтузіазма—говоритъ, характеризуя эту переходящую полосу отъ безпочвеннаго оптимизма къ трезвому реализму, *Ленчъ*—съ его надеждами на скорое пришествіе тысячелѣтняго царства медленно приходилъ къ концу" [4]).

На долю „ревизіонизма" выпала обязанность вскрыть причины такой „общей неопредѣлимости", дать ей *соціальное* объясненіе. И эту теоретическую работу онъ выполнилъ блестяще. Онъ первый въ германскомъ соціализмѣ показалъ *предѣлы* капитализаціи; первый вскрылъ особую природу аграрныхъ отношеній даже въ странахъ высокаго капитализма; первый въ марксистскомъ лагерѣ подвергъ убійственной критикѣ „теорію обнищанія"; первый внесъ небходимыя ограниченія въ „теорію кризисовъ" и цѣлый рядъ другихъ ложныхъ обобщеній, упрямо титуловавшихся „законами историческаго развитія". Это все несомнѣнно заслуги, и въ первую голову передъ соціализмомъ, который никогда не долженъ пугливо прятать головы передъ лицомъ суровой „правды истины".

Но стоя обѣими ногами на почвѣ марксистской исторіософіи, ревизіонизмъ, естественно, дѣлалъ изъ новыхъ данныхъ „экономики" крайне оппортюнистическіе выводы въ области прикладной „политики": „пересматривалъ" тактику въ свѣтѣ этихъ послѣднихъ истинъ экономической науки.

„Я выступалъ—писалъ Эд. Бернштейнъ въ своей докладной запискѣ, представленной въ 1898 г. штутгардскому партейтагу—противъ того убѣжденія, что мы стоимъ *наканунѣ* крушенія буржуазнаго общества, и противъ стремленій опредѣлять, или ставить въ зависимость тактику соціаль-демократіи отъ такой якобы предстоящей, и при томъ въ ближайшемъ будущемъ, соціальной катастрофы".

---

[1]) «Protokoll über die Verh. des Part. zu Stuttgart», 1898, S. 134.

[2]) *Cunow*, «Neue Zeit.», I, 1902, S. 424.

[3]) *K. Kautsky*, Weg zur Macht, 1909.

[4]) *Lensch*, «Die Soziald., ihr Ende usw.», S. 15.

„Прогнозъ, который поставленъ „коммунистическимъ манифестомъ“ развитію современнаго общества, правиленъ поскольку онъ имѣетъ въ виду общія тенденціи развитія; *ошибоченъ*—въ рядѣ отдѣльныхъ умозаключеній, *особенно* въ оцѣнкѣ необходимаго для капиталистическаго развитія времени“ [1]).

Для историческаго матеріалиста,—а таковыми по существу въ равной степени являются и „ортодоксы“ и „ревизіонисты“, ибо послѣдніе серьезно ревизировали лишь „надстройку“ на фундаментѣ матеріалистической интерпретаціи исторіи,—для историческаго матеріалиста вопросъ о *темпѣ* развитія буржуазнаго общества въ сторону его собственнаго преодолѣнія является *рѣшающимъ* и въ смыслѣ опредѣленія тактики: повелительно ее диктуетъ.

Уже въ *1887 г.* на партейтагѣ въ Шененвегенѣ Бебель видѣлъ причину тактическихъ разногласій между такъ называвшимися тогда „умѣренными“ и „радикалами“ въ разной оцѣнкѣ темпа капиталистическаго развитія.

„Тактическія разногласія—говорилъ онъ—въ первую голову объясняются разной оцѣнкой буржуазнаго общества съ точки зрѣнія достигнутой стадіи самоотрицанія (дословно-„отхозяйничанья“: „das Stadium des Abwirtschaftigungsprozesses“—Б. К.). Кто того мнѣнія, что современное хозяйство распадется въ ближайшемъ будущемъ подъ тяжестью собственныхъ недуговъ и что, слѣдовательно, скоро наступитъ наше время,—тотъ придерживается, естественно, другой тактики, чѣмъ тотъ, кто убѣжденъ, что еще рядъ поколѣній будетъ жить при современномъ экономическомъ укладѣ“ [2]).

„Матеріалистическое пониманіе исторіи,—поучалъ Каутскій—цѣнно не только потому, что даетъ возможность лучше чѣмъ прежде объяснить исторію, но и тѣмъ, что позволяетъ лучше чѣмъ прежде *дѣлать* ее“ [3]).

Но какъ „лучше“ дѣлать исторію марксисту, знающему на основаніи самыхъ послѣднихъ данныхъ науки, что катастрофическая самоликвидація капитализма простой миѳъ, рожденный пылкой фантазіей, что стихійное движеніе въ сторону соціализма, если вообще идетъ, то идетъ крайне медленно, *эволюціонно*, черепашьимъ шагомъ? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Только „утописты“ пытаются игнорировать законы и темпъ историческаго развитія, бѣжать впереди экономическаго эволюціоннаго процесса. Марксисты же твердо знаютъ, что нельзя искусственно ускореннымъ темпомъ вертѣть „колеса исторіи“, какъ нельзя задержать его, какъ нельзя остановить его.

„Реформизмъ“, который проповѣдывали „ревизіонисты“, былъ „научной тактикой“ марксизма примѣнительно къ новымъ даннымъ экономической эволюціи. Онъ диктовался съ той же логической необходимостью, съ какой политическій „радикализмъ“ диктовался Марксу и Энгельсу данными и ожиданіями ихъ эпохи.

„Врядъ-ли когда-нибудь раньше такъ ярко выступало противорѣчіе между *радикальной теоріей* и мирной реформистской практикой соціальдемократіи—писалъ Людвигъ Квессель въ 1913 г.,—какъ въ эти дни, когда мы можемъ праздновать десятилѣтній юбилей дрезденской резолюціи. Причина этого несоотвѣтствія лежитъ въ томъ, что экономическое развитіе *значительно медленнѣе* ведетъ къ уничтоженію мелкихъ и среднихъ производителей, и что процессъ этотъ не столь универсальнаго характера, какъ это рисовалось въ теоріи“. „Для всякаго, кто не потерялъ довѣріе въ человѣческій разумъ было ясно, что данныя обстоятельства, особенно отстутствіе концентраціоннаго процесса въ сферѣ

---

[1]) *Ed. Bernstein*, «Die voraussetzungen des Sozialismus», Stuttgart, 1902, Vor. S. V.

[2]) Bericht über die Verhandlungen des Parteitages der deutschen Soz-d-ie, Abg. zu Schönenwegen, b. St. Gallen, 1887, S. 22, 23.

[3]) *К. Каутскій*, «Этика и матеріалистическое пониманіе исторій» Изд. «Новый Путь» Стр. 10.

сельско-хозяйственнаго производства, медленный темпъ его въ торговлѣ и индустріи,—должны рано или поздно поколебать, даже подорвать, вѣру, способную двигать горами, въ быстрый поворотъ событій. Конечно, первоначально *кризисъ революціонныхъ надеждъ* пережили болѣе критическіе элементы нашей партіи, тѣ, для кого факты соціальной эволюціи были убѣдительнѣе абстрактныхъ выкладокъ теоріи. Но постепенно *духъ скепсиса и индиферентизма* началъ захватывать самые широкіе круги партіи, коснулся и людей менѣе способныхъ къ критическому мышленію. Создалось, все болѣе и болѣе показательное для нашего перехода, поколѣніе соціальдемократовъ, чуждыхъ всякихъ смѣлыхъ проэктовъ на будущее, критическое и расчетливое. Соціалъ-революціонный пафосъ—на закатѣ" [1]).

Такую внутреннюю, интимную связь между «реформизмомъ», какъ тактикой „научнаго" соціализма, и новыми данными экономической науки видѣли не только ревизіонисты, отцы „Sozialistische Monatchefte", но и ортодоксы—отцы „Neue Zeit". Только этимъ можно объяснить то упорство, которое они проявили при защитѣ всѣхъ тезисовъ «катастрофической концепціи», ту настойчивость, съ которой они до послѣдней минуты держались за цѣлый рядъ явно скомпрометированныхъ жизнью построеній.

Противопоставить теоріи пассивнаго преклоненія передъ „объективнымъ ходомъ" капиталистической эволюціи теорію активнаго вмѣшательства въ этотъ процессъ съ явнымъ намѣреніемъ „повернуть колесо исторіи"—значило бы *измѣнить духу марксизма.* Ничего не оставалось, какъ попытаться перетолковать саму исторію, непрырывно совершая при этомъ насиліе то надъ фактами, то надъ здравымъ смысломъ.

Нужно было во что бы то ни стало защищать и „теорію обнищанія" и „теорію періодически повторяющихся кризисовъ" и „теорію капиталистическаго характера аграрной эволюціи" и цѣлый рядъ другихъ въ полной мѣрѣ или частично обанкротившихся гипотезъ. Иначе настежь открывались двери тактическому оппортюнизму, давалась высшая, «научная» санкція для превращенія радикальной партіи будущаго въ партію скромныхъ соціальныхъ заплатъ на настоящемъ.

Но превращеніе такое, хотя и не санкціонированное ортодоксами, шло на всѣхъ парахъ. Сколько не заклинали буржуазное общество «ортодоксы», сколько „побѣдъ" словесныхъ не одерживали надъ ревизіонистами,—всѣ ихъ лучшія намѣренія разбивались о сказочную жизнеспособность капитализма, объ его упрямое нежеланіе совершить надъ собой, во славу непогрѣшимости концепціи Маркса, акта самоубійства. И чѣмъ яснѣе становилось нежеланіе капитализма подчиниться мистической силѣ «діалектическаго самоотрицанія», тѣмъ рѣшительнѣе и откровеннѣе переходила партія на путь мирнаго соціальнаго реформаторства. „Духъ скепсиса и индифферентизма началъ захватывать самые широкіе круги партіи".

Незнакомый съ революціонными традиціями, воспитанный на „Zusammenbruchstheorie", десятки лѣтъ терпѣливо ожидавшій вмѣстѣ со своими идеологами чудеснаго избавленія, — нѣмецкій пролетаріатъ естественно потерялъ реальныя политическія перспективы и все больше переносилъ свои надежды и упованія на повседневныя мелкія достиженія. Тотъ незначительный, „естественный" запасъ классоваго идеализма и героизма, съ которымъ вступилъ на сознательную политическую арену рабочій классъ Германіи, не только не преумножался съ количественно организаціоннымъ ростомъ нѣмецкой соціальдемократіи, но порой даже шелъ на убыль, разряжался. Сумма же тѣхъ интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ элементовъ, безъ которыхъ возможенъ порой брюзжащій мѣща-

1) *Ludwig Quessel*, «Nach 10 Jahren». Soz. Mon. 1913. H 18-20 s 1073

нинъ, но невозможенъ рушитель старыхъ и творецъ новыхъ цѣнностей, явно превращалась изъ первоначально небольшой величины въ величину ничтожную. Многіе это привѣтствовали, многіе хулили, но всѣ — исключая самыхъ ослѣпительмыхъ догматиковъ типа Г. Плеханова, который до дня вотума кредитовъ считалъ нѣмецкую соціальдемократію „самой революціонной общественной силой нашего историческаго періода„ — всѣ начинали это понимать. Вотъ что писалъ, напримѣръ, небезызвѣстный ортодоксъ *Меерфельдъ* передъ Іенскимъ партейтагомъ на страницахъ радикальнаго „Neue Zeit“: „Рабочая масса обезкрылена въ революціонномъ смыслѣ.Раньше всего фактъ, что она въ вліятельныхъ своихъ частяхъ рискуетъ сейчасъ потерять больше, чѣмъ... одни цѣпи. Конечно, Эрве, обдавшій на Штутгардскомъ конгрессѣ желчью своей гальской иронія нѣмецкую делегацію, которая ему казалась зажиточно буржуазной, лишенной даже намека на пролетарски революціонное боевое рвеніе,—конечно онъ многое каррикатурно преувеличилъ. Но тѣмъ не менѣе зерно правды въ его обвиненіяхъ было... Какъ мало похожи, напримѣръ, наши партейтаги въ своей повседневности на революціонные конвенты! Постепенно мы обратились въ хорошо функціонирующее, прекрасно организованное партійное предпріятіе, гдѣ для революціоннаго порыва не осталось мѣста“. [1]) Это нелицепріятное признаніе однако показалось брауншвейгской газетѣ „Volksfreund“ недостаточно откровеннымъ. Редакторъ ея, приверженецъ самаго лѣваго Панекукъ Люксенбургскаго крыла, подводя итоги десятилѣтней работѣ партіи (промежутокъ между Дрезденскимъ и Іенскимъ партейтагами) нашелъ еще болѣе темныя краски для изображенія дѣйствительности. „Нѣмецкій рабочій — писалъ онъ со скорбной ироніей—такой прекрасный хозяинъ. Онъ высоко цѣнитъ сберегательную кассу, любитъ свой полисадникъ, пріобрѣтаетъ при случаѣ и самъ кусочекъ земли, живетъ гигіенично, принимаетъ воздушныя и водяныя ванны, не злоупотребляетъ алкоголемъ, смотритъ за своимъ акваріумомъ, избѣгаетъ имѣть много дѣтей,—однимъ словомъ устраивается какъ можетъ. При этомъ его организація, его профессіональный союзъ, его кооперативы и. т. д. служатъ ему прочнымъ подспорьемъ. Его развлеченіемъ озабочены образовательная комиссія, рабочій спортивный клубъ, рабочій ферейнъ пѣвцовъ и т. д. Кругъ мыслей современнаго рабочаго вращается поэтому, несмотря на принципіальную просвѣтительную работу, въ заколдованномъ кругу повседневности и законности. Таковы, конечно, не всѣ рабочіе. Но вліятельные, уважаемые массами, опредѣляющіе характеръ рабочаго движенія — всѣ, за рѣдкими исключеніями, спокойные, экономные, честные, солидные люди, которымъ даже не чуждъ порой нѣкоторый элементъ пуританизма. Изъ ихъ среды рекрутируется партійная и профессіональная бюрократія. Нехозяйственныя, легко воспламеняющіяся головы котируются очень низко. Но также тихіе мечтатели, поэты и философы изъ рабочей среды не играютъ никакой роли въ движеніи. *Доминируетъ добропорядочная годность*, которая никогда не дѣлаетъ революціи“.

Подъ знакомъ „добропорядочной годности“, никогда не дѣлающей революціи, шла, изъ года въ годъ все явственнѣе, вся нѣмецкая соціальдемократія. Еще задолго до появленія „ревизіонизма“ съ его „научной“ санкціей реформизма, все рабочее движеніе было пропитано духомъ реформизма и оппортюнистическаго поссибилизма. „*Ревизіонизмъ*“, какъ мы уже указали, *лишь пытался марксистскимъ методомъ познать это явленіе*, найти ему достаточное основаніе въ соціальной структурѣ современнаго капитализма.

Эдуардъ Бернштейнъ былъ абсолютно правъ, когда на Дрезденскомъ Партейтагѣ сказалъ, что задачи ревизіонизма лежатъ въ плоскости теоріи, а

---

[1]) Цитата взята изъ выше указанной статьи Квесселя.

не практики, что *теорія въ данномъ случаѣ большимъ обязана практикѣ*, чѣмъ наоборотъ". [1])

Теоретическій ревизіонизмъ изъ года въ годъ „разбивался на голову", „радикалы" праздновали одну побѣду за другой, Бебель могъ давать завѣренія, „что ревизіонизмъ никогда не будетъ знать успѣха въ нѣмецкой соціальдемократіи" [2]), Каутскій—„что ревизіонизмъ живетъ лишь въ политическихъ кунсткамерахъ", а партія тѣмъ не менѣе становилась все умѣреннѣе и умѣреннѣе, неудержимо катилась въ пропасть легализма, парламентарнаго и профессіональнаго критизма..

И это было неизбѣжно. Ибо т. н. радикальное большинство партіи, какъ мы уже отмѣтили выше, понимало «радикализмъ» довольно своеобразно. Оно видѣло критерій такового не въ активныхъ, волевыхъ актахъ угнетенныхъ классовъ, а въ пріятіи установленной догмы о быстромъ, катастрофическомъ преодолѣніи капитализма силой внутреннихъ, раздирающихъ его противорѣчій.

Убѣжденные въ фатальной неизбѣжности скораго саморазрушенія современнаго общества, «радикалы» меньше всего думали о томъ, чтобы *активно* вмѣшаться въ столь благопріятную стихійную эволюцію. Наоборотъ, они такого вмѣшательства не меньше боялись, чѣмъ откровенные реформисты и дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы удержать партію на путяхъ „мирнаго преуспѣванія". Вильгельмъ Либкнехтъ убѣдительно доказывалъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ недовольной выжидательной тактикой лѣвой оппозиціи, „что природа экономическаго развитія съ той же силой, съ какой она увеличиваетъ мощь буржуазіи, подкапывается и разрушаетъ основы и опорные столбы буржуазнаго хозяйства, что *капитализмъ самъ себя убиваетъ, что революціонное начало поэтому лежитъ не въ средствахъ, а въ цѣли*", что наконецъ „*насиліе было всегда реакціоннымъ факторомъ*". „Докажите, тов. онъ, обращаясь къ той же оппозиціи,—что мы преслѣдуемъ ложную цѣль, тогда вы будете вправѣ утверждать, что партія покидаетъ революціонные пути. Лучшее доказательство правильности нашей тактики—это успѣхъ. Усвоенная партіей тактика себя блестяще оправдала" [3]).

Еще болѣе рѣшительно и откровенно выступилъ противъ лѣвыхъ элементовъ партіи *Бебель*. «Если бы мы—говорилъ онъ на томъ же партейтагѣ—при всякомъ случаѣ поступали бы такъ, какъ этого требуетъ оппозиція, мы бы сыграли провокаціонную роль. Насильственная борьба стала бы тогда неизбѣжной. Насъ бы вынудили дать открытую битву. Но чѣмъ можетъ кончиться въ вѣкъ скорострѣльныхъ ружей и пушекъ революція, въ которой въ лучшемъ случаѣ согласится принять участіе тысячъ двѣсти горячихъ головъ—объ этомъ я недавно докладывалъ въ Дрезденѣ; насъ разстрѣляли бы самымъ плачевнымъ образомъ какъ куропатокъ. Кто, игнорируя колоссальный прогрессъ не только въ военной техникѣ, но и въ политической, особенно же въ экономической жизни, сейчасъ еще думаетъ, что мы соціальдемократы предполагаемъ прійти къ нашей цѣли средствами буржуазныхъ партій (!), какъ, напримѣръ, постройкой баррикадъ,—тотъ сугубо ошибается, тотъ имѣетъ самое превратное представленіе о природѣ тѣхъ отношеній, въ которыхъ мы находимся. Подобно тому, какъ наша позиція къ государству и обществу абсолютно отличается отъ всѣхъ предыдущихъ, какой бы классъ или партія за нами раньше не стояли, точно такъ же мы и въ достиженіяхъ послѣдней цѣли вынуждены итти новыми путями, вынуждены пользоваться новыми средствами.

---

[1]) Protokoll über d. Parteit. zu Dresden, Berlin 1903, S. 391.
[2]) Указ. стр. 320.
[3]) Protokoll über d. Part. zu Erfurt, 1891, Berlin, S. 206.

Это мое убѣжденіе непоколебимо, какъ гранитная скала. *Но я думаю, что у насъ имѣются всѣ основанія быть довольными ходомъ вещей.* Только тѣ, которые не въ силахъ разсмотрѣть процесса въ его цѣльности, могутъ быть другого мнѣнія. *Буржуазное общество такъ энергично работаетъ надъ своимъ собственнымъ уничтоженіемъ, что намъ лишь остается ждать того момента, когда власть вывалится изъ рукъ буржуазіи, чтобы ее тогда подобрать...* И при такомъ ходѣ развитія одобрить ваши методы и вашу тактику—побѣдоносно при общихъ одобреніяхъ закончилъ Бебель—значило бы коверкать, губить партію".

„Фатализмъ" независимо отъ того окрашенъ ли онъ въ ультра оптимистическій цвѣтъ, какъ у Либкнехта—Бебеля, или онъ болѣе трезваго характера, какъ у Бернштейна –Фольмара, все равно исключаетъ политическую активность. Бебель очень мѣтко характеризовалъ дѣйствительную тактику партіи, сказавъ, что ей „лишь остается ждать", „покуда власть *вывалится"* изъ рукъ буржуазіи, что она обречена на пассивную роль наслѣдника, спокойно ждущаго свой часъ, чтобы законно унаслѣдовать. Рабочій классъ долженъ „подобрать" власть, когда она „вывалится" изъ рукъ его классовыхъ враговъ. Ставить иначе политическую проблему демократіи—„значитъ коверкать и губить партію"! Разницы между политической позиціей Бебеля, Либкнехта съ одной стороны, Бернштейна, Фольмара, съ другой почти нѣтъ, во всякомъ случаѣ она эмпирически неуловима, если только на дѣло смотрѣть не съ точки зрѣнія ни къ чему не обязывающихъ гаданій на тему: скоро ли капитализмъ самъ себя съѣстъ и самъ собою подавится. Методы и средства достиженія тождественны и адэкватно выражены словомъ: *ждать.* Оба теченія, и „радикальное" и ревизіонистское исповѣдаютъ, въ духѣ своего ученія, не дѣйственную философію активнаго, творческаго вмѣшательства въ стихійную ирраціональную эволюцію въ цѣляхъ дать ей толчекъ, направить ее по линіи практическихъ заданій рабочаго класса, а пассивную философію преклоненія передъ этой стихіей, приспособленія къ ней. Вотъ общій теоретическій источникъ практическаго безсилія! Вотъ что спаяло германскую партію въ одно компактное, гомогенное цѣлое, дѣлало Бебеля и Фольмара, игнорируя тысячу лежавшихъ между ними разногласій, братьями по духу.

Правда, Фольмаръ склоненъ былъ иногда дѣлать самые парадоксальные выводы изъ посылокъ своего фаталистическаго міровоззрѣнія. Даже упавшій съ неба „жареный голубь" не долженъ быть по его концепціи—использованъ демократіей, если при немъ нѣтъ сартификата, устанавливающаго, что царь сей оправданъ экономической ситуаціей. „Ничего болѣе печальнаго и нельзя было бы придумать, говорилъ онъ на Штутгардскомъ конгрессѣ, чѣмъ вынужденный преждевременный переходъ власти въ руки нѣмецкой соціалъ-демократіи „Мы хотимъ очутиться у власти—пояснялъ онъ—ни какимъ нибудь искуственнымъ способомъ, а въ силу внутренней необходимости, въ первую голову: въ силу наличныхъ экономическихъ данныхъ" [1]). Но это лишь словесный экцессъ. По существу *мысль* высказанная здѣсь ничѣмъ не отличается отъ мысли высказанной его „антиподомъ" на Штутгардскомъ конгрессѣ—Розой Люксенбургъ. И для нея „базой соціальдемократическаго міровоззрѣнія служитъ увѣренность, что капиталистическое общество запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, которыя въ конечномъ счетѣ сдѣлаютъ *неизбѣжнымъ* взрывъ и приведутъ къ катастрофическому крушенію", и въ ея концепціи рабочій классъ фигурируетъ въ роли „синдека призваннаго *ликвидировать* распавшееся общество" [2])

---

[1]) Protokoll uber die Verh. zü. d. Part. zu Stuttgart, Berlin 1898, S. 106.

[2]) Указ. Стр. 100. Фолмаръ эту же мысль еще разъ выразилъ такъ: современные соціалисты исходятъ изъ того убѣжденія, что развитіе въ сторону соціализма обусловленно внутренной неизбѣжностью (Указ. стр. 106).

Гейне не безъ достаточнаго основанія утверждалъ на томъ же конгрессѣ, что различіе между такъ называемыми „лѣвыми“ и „правыми“ суть въ главномъ и существенномъ лишь „различія темперамента“, ибо практически мало мѣняется отъ того къ какому сроку возвѣщается второе пришествіе [1]).

Несомнѣнно, вѣра въ близкое „пришествіе“ могла до извѣстной степени гарантировать отъ полнаго погруженія въ болото повседневности. Паѳосъ рожденный ею, могъ временно принаряжать прозу будней, подымать ихъ на пьедесталъ значительнаго, и главное, ограждать отъ попытокъ перенести сюда въ узко профессіональную и кооперативную сферу дѣятельности центръ вниманія рабочаго класса, его надежды и упованія.

Но это только „до извѣстной степени“ и до извѣстнаго срока. Гейне очень ядовито замѣтилъ по адресу „радикаловъ“, что ничего такъ быстро не изнашивается, какъ слова вѣры, если ихъ часто употребляютъ. Въ нихъ тогда видятъ уже просто фразы, и самый вдохновенный пророкъ, безсильный подкрѣпить слова дѣлами, производитъ отталкивающее впечатлѣніе казеннаго слуги церкви“ [2])

Худо-ли, хорошо-ли, но „ревизіонисты“, приспособляясь къ объективнымъ даннымъ экономической эволюціи, имѣли, въ концѣ концовъ, опредѣленную линію политическаго „дѣйствія“: они открыто стали на путь мирнаго соціальнаго реформаторства. «Радикалы“ же никакого *своего* пути не имѣли, ибо „принципіально“ отвергали то, что, плетясь во хвостѣ реформистовъ, фактически дѣлали. И вѣчно блуждая между Сцилой реально осуществляемаго и Харибдой фантастически предполагаемаго, они являли собою чаще всего примѣръ непослѣдовательныхъ, или какъ ихъ нерѣдко полемически называли, «трусливыхъ» оппортюнистовъ. Но такъ какъ „радикалы“ при всемъ этомъ широко пользовались всѣмъ богатствомъ традиціонной революціонной фразеологіи, которая давно перестала пугать соціальныхъ враговъ, а порой уже начинала ихъ даже смѣшить,—то истинная природа „радикализма“ оставалась скрытой и въ немъ по недоразумѣнію видѣли серьезную, непримиримую силу. „Непримиримость“ же его на дѣлѣ сказывалась не въ положительной формѣ: въ видѣ внесенія коррективовъ въ оппортюнистическую тактику „правыхъ“,—что несомнѣнно сыграло бы свою роль,—а исключительно въ отрицательной: въ непріятіи крайнихъ логическихъ выводовъ реформизма, тѣхъ выводовъ, которые, *при отсутствіи другихъ силъ*, какъ разъ и могли составить „сильную“ сторону его.

„Что было въ вашей тактикѣ специфически революціоннаго“—могъ спросить радикаловъ одинъ и самыхъ правыхъ ревизіонистовъ Вильгельмъ Кольбъ, спустя 10 лѣтъ послѣ „великой побѣды“ ортодоксовъ въ Дрезденѣ, и съ полнымъ правомъ отвѣтить: „*одна терминологія и больше ничего!*“—„Что произошло специфически революціоннаго и соціалистическаго въ Рудольштадтѣ, или въ Рейхстагѣ, или въ какомъ-нибудь изъ мѣстныхъ парламентовъ?“, и съ полнымъ правомъ отвѣтить: „*тактика соціальдемократіи еще никогда не была революціонной*,“ [3]) или какъ онъ недавно заявилъ: „въ своей практикѣ соціальдемократія всегда была партіей демократическихъ и экономическихъ реформъ, направленныхъ къ соціализаціи общества.“ [4])

„Битва“, которую съ шумомъ и грохотомъ давали на Дрезденскомъ партейтагѣ „радикалы“ „ревизіонистамъ“, уже тогда обнаружила безсиліе „радикализма“, въ борьбѣ съ „правыми“; обнаружила не смотря на то, что ортодоксы торжественно праздновали побѣду. Вся пламенная филиппика Бебеля была

---

[1]) Указ. стр. 89.
[2]) Указ. стр. 90.
[3]) *W. Kolb* «Die Taktik der Sozialdemokratie», *Soz.* Mon, 1913, H. 18—20, *S.* 1079.
[4]) *W. Kolb*, Die *Soz.*-d.-ie am Scheidewege, S. 49.

обращена на этомъ историческомъ партейтагѣ въ пыль однимъ убійственнымъ замѣчаніемъ Фольмара: „я не знаю *ни одного* случая, гдѣ бы въ рейхстагѣ, въ практической политикѣ такъ наз. „ревизіонисты“ стояли на одной сторонѣ и такъ наз. „радикалы“ на другой“. Этотъ простой фактъ сразу сорвалъ покрывало съ предмета спора и обнажилъ его истинную природу. По существу вопросъ шелъ не о томъ: вести ли въ будущемъ радикальную или умѣренную политику, а о томъ: *можно ли отказаться отъ радикальной фразеологіи при умѣренной политикѣ.*

Что объективно дѣло обстояло именно такъ, легко убѣдиться, если хоть немного прослѣдить борьбу самихъ „радикаловъ“ съ истинно революціонными теченіями въ германской соціаль-демократіи. Съ извѣстнаго момента на стражѣ тактическаго оппортюнизма, какъ постояннаго испробованнаго метода политической жизни, стояла—за самыми незначительными исключеніями—сомкнутыми фалангами вся партія въ лицѣ всѣхъ своихъ отвѣтственныхъ органовъ. Всякій, серьезно покушавшійся на поссибилистическую тактику партіи, объявлялся врагомъ ея и имѣлъ противъ себя не только Фольмара и Гейне, но и Либкнехта и Бебеля,—пожалуй послѣднихъ еще скорѣе чѣмъ первыхъ, ибо обвиненія въ оппортюнизмѣ всегда больнѣе затрагиваютъ замаскированныхъ его сторонниковъ, чѣмъ откровенныхъ.

Уже на партейтагѣ въ Галлѣ, т. е. въ 1890 г. представитель берлинской „оппозиціи“ [1]) формулировалъ задачу будирующаго меньшинства, какъ „попытку спасти партію отъ участи быть всосанной въ болото“. [2]) И главное обвиненіе было направлено не противъ завѣдомыхъ реформистовъ въ партіи, а противъ центральнаго комитета, противъ фракціи рейхстага, лично противъ Бебеля за ихъ ультра оппортюнистическое поведеніе въ вопросѣ о празднованіи перваго мая, за ихъ блокъ на выборахъ съ „свободомыслящими“, за «милитаристскія заботы и т. д.

Въ отвѣтъ на это вождь „радикализма“—Вильгельмъ Либкнехтъ развилъ типично мѣщанскую теорію „легализма“ и пытался авансомъ выдать всѣмъ тѣмъ, кто не пойдетъ за нимъ по линіи умѣренности и аккуратности, свидѣтельство о политической невмѣняемости. „Если мы объявимъ,—поучалъ онъ оппозиціонеровъ,—что мы не путемъ закона, а уничтоженіемъ его стремимся реализовать наши задачи,—политическіе противники, которые составляютъ 80% населенія, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ всю государственную машину, запрячутъ насъ на каторгу, или еще лучше, въ сумашедшій домъ, ибо тамъ намъ тогда и будетъ мѣсто.“ [3]) „Пойдемъ дальше совѣтовалъ онъ—испробованнымъ путемъ: это будетъ лучше, ибо съ каждымъ шагомъ растетъ наша сила“. [4]) „Лучше“ или „хуже“ это показала наглядно война. Но путемъ нѣмецкая соціальдемократія дѣйствительно шла „испробованнымъ“ и отъ него не отклонялась!

Въ слѣдующемъ году на Эрфуртскомъ партейтагѣ представители той же берлинской оппозиціи, оправдывая свое поведеніе и вынужденную рѣзкость распространеннаго ими воззванія, уже совершенно ясно устанавливали, что объектъ ихъ нападенія не правленіе и другія инстанціи партіи, какъ таковыя, „а партія въ цѣломъ, точнѣе: ея тактика“. [5]) „Если партія— гов. Виндельбергъ —не измѣнитъ усвоенной ею тактики—перемиріе между нами и ею никогда не

---

[1]) Избранный Тельтовъ—Бреславскимъ райономъ, т. е. тѣмъ райономъ, который и сейчасъ идетъ во главѣ германской оппозиціи!

[2]) Protok. über d. Verh. d. Part. zur Halle 1890, Berlin 1890, S. 44.

[3]) Protokoll über d. Verh. d. Part. zur Halle 1890, S. 57.

[4]) Указ.

[5]) Изъ рѣчи Вильденберга. См. Protokoll über die Verh. d. Partei. zur Erfurt, Berlin 1891, S. 143.

будетъ возможно". [1]) Въ отвѣтъ на это была внесена Бебелемъ резолюція, гласившая въ основномъ своемъ тезисѣ: „что для перемѣны принятой партіей тактики нѣтъ никакихъ основаній". [2]) Въ обоснованіе этого тезиса приводилось классическое для „реальныхъ политиковъ" соображеніе о всемогуществѣ умѣренности и аккуратности. „Всѣ теченія, ведущія лишь негативную работу,— поучалъ Бебель—безсознательно работаютъ на своихъ классовыхъ враговъ, ибо послѣднимъ только и нужна (!) такая тактика. Самое непріятное для нихъ это спокойная, планомѣрная работа... Только наша непрерывная, не дающая себя сбить съ толку, саперная кампанія—вотъ что тяжелымъ камнемъ лежитъ на сердцѣ нашихъ классовыхъ антагонистовъ. Было бы громадиѣйшей ошибкой отказаться сейчасъ отъ нашей провѣренной опытомъ тактики". [3]) А эту „провѣренную опытомъ" тактику листовка берлинской оппозиціи характеризовала—и вполнѣ заслуженно!—какъ „тактику мелкобуржуазной, реформистской партіи, дѣлающей все отъ нея зависящее, чтобы примирять пролетаріатъ съ буржуазіей!". Бебелю, конечно, ничего не оставалось, какъ заявить: „что оппозиціи представятъ возможность организовать собственную партію, если она не сумѣетъ примириться съ поведеніемъ всей партіи" [4]), другими словами: ей показывали на дверь.

Въ рядахъ нѣмецкой соціальдемократіи къ этому времени уже не было мѣста для людей, не желавшихъ довѣрить судебъ демократіи діалектикѣ историческихъ превращеній, пытавшихся стать активными агентами соціально—политическаго прогресса, послѣдовательно отстаивавшихъ знамя революціоннаго соціализма.

„Ревизіонизмъ", имѣя въ виду его реформистскую политику,—ничто иное, какъ *постоянная*, многократно себя оправдывавшая *тактика всей партіи*". Эти слова, сказанныя Кольбомъ на Дрезденскомъ партейтагѣ, подвели безупречно вѣрный итогъ той эволюціи, которую уже къ 1903 году фактически продѣлала *вся* нѣмецкая соціальдемократія. „Ревизіонисты", какъ мы видимъ, уже давно довольно ясно и трезво оцѣнивали реальное положеніе вещей въ германской соціальдемократіи. И по вполнѣ понятной причинѣ: они привели въ соотвѣтствіе *слово съ дѣломъ* и разъ навсегда отказались отъ революціонной фразы. „Радикалы" же держались за нее обѣими руками, какъ за единственный отличительный признакъ.

Теперь—заднимъ умомъ—и нѣкоторые „радикалы" поняли, сколь эфимерны были въ прошломъ противорѣчія между „ревизіонистами" и „ортодоксами", сколь незаконно идеологическія причины кризиса искать не въ томъ, что роднило эти два крыла нѣмецкой соціальдемократіи, а въ томъ, что ихъ якобы раздѣляло.

„Реформизмъ *и радикализмъ*, т. е. внутренняя политика соціальдемократической партіи за послѣдніе годы, вотъ источники, сказавшагося въ началѣ войны, безсилія пролетаріата". [5]) Слова эти принадлежатъ Герману Гортеру, и тѣмъ показательнѣе они, что въ цѣломъ Гортеръ слишкомъ „*ученикъ*" и при томъ только нѣмецкой школы, чтобы быть способнымъ къ самостоятельному критическому пересмотру идейнаго наслѣдства и традиціонныхъ оцѣнокъ.—Рѣшительнѣе еще высказывается органъ крайняго оппозиціоннаго крыла германской партіи—„Arbeiterpolitik". „Мы несомнѣнно переживаемъ—говоритъ радикальная газета—полный развалъ стараго движенія. Но кто слѣдилъ за его

---

[1]) Указ.;
[2]) Указ. Стр. 157.
[3]) Protokoll d. Verh. d. Part. zur Erfurt, S. 167.
[4]) Указ.
[5]) *Herman Gorter*, «Der Imperialismus u. s. w.» S. 106.

развитіемъ, критически всматривался въ его внутренній и внѣшній механизмъ, —тотъ давно былъ убѣжденъ, что другой участи движеніе это и не заслуживаетъ". [1])

Постепенно всѣмъ становится яснымъ, что не только о „ревизіонизмѣ", но и „радикализмѣ" можно, воздавая имъ по *дѣламъ ихъ*, славами Гете сказать: „Nach Schätzen gräbt er und froh ist, wenn er Regenwürmer findet"!

„So unwahrscheinlich es klingt, die Schwirigkeiten, die der deutschen Sozialdemokratie erwachsen sind, stammen nicht zum geringsten Teil daher, dass sie theoretisch nicht gerüstet war". (*Fr. Adler*, die Soz.-ie in Deutschland u. der Weltkrieg», Kampf № 1, 1915, S. 35).

VII

Лѣвый ревизіонизмъ.

Нѣмецкая соціальдемократія, несмотря на количественный ростъ политической, профессіональной и кооперативной организаціи рабочаго класса, какъ мы видимъ, неудержимо катилась въ пропасть легализма, реформизма, крайняго оппортюнизма.

Этотъ болѣзненный процессъ перерожденія грозной партіи будущаго въ партію скромныхъ соціальныхъ заплатъ на современности, конечно, главнымъ образомъ диктовался пережитою полосою мирнаго и органическаго развитія капитализма. Но свою высшую, «научную» санкцію онъ получалъ отъ марксистской исторіософіи, въ ней находилъ принципіальное оправданіе, ею изъ печальнаго факта возводился въ норму и законъ, ею стимулировался.

Уже до войны для болѣе критическихъ марксистовъ становилось яснымъ, что *правый* ревизіонизмъ, ревизіонизмъ Эд. Бернштейна и Давида можно преодолѣть не заклинаніями отъ писаній отцовъ церкви, не отрицаніемъ общеустановленныхъ фактовъ и истинъ, а только лѣвымъ ревизіонизмомъ, радикальнымъ пересмотромъ всей концепціи марксизма. Нужно было высвободить ее изъ тисковъ фаталистическаго оптимизма—этого первороднаго грѣха марксова ученія, незаконно унаслѣдованнаго имъ отъ гегеліанства.

Но на этотъ путь, путь лѣваго ревизіонизма марксизмъ могъ стать, лишь использовавъ положительную критическую работу праваго ревизіонизма, сдѣлавъ рѣшительный шагъ впередъ отъ того мѣста, гдѣ *остановилось* бернштейніанство.

Правый ревизіонизмъ подвергъ жестокой критикѣ теорію „Zusammenbruch'a" съ точки зрѣнія ея катастрофичности. Онъ иначе расцѣнивалъ *темпъ* того стихійнаго процесса, который по представленіямъ Маркса и Энгельса приводилъ въ конечномъ счетѣ въ силу имманентныхъ законовъ развитія къ соціализму. Но онъ ни на минуту не отказывался отъ самой теоріи „Zusammenbruch'a"

[1]) «Arbeiterpolitik» № 10, Bremen, d. 26 Aug.: «Die alte und die neue Bewegung».

Вѣра во всесильную и благотворную миссію капитализма, творящаго двуединое чудо саморазрушенія и созиданія,—вѣра эта была обща и Бернштейну и Каутскому,—можетъ быть Бернштейну еще больше, чѣмъ Каутскому.

Первый, усумнившійся не только въ срокѣ наступленія катастрофы, но въ самомъ наступленіи ея, поскольку имѣлась въ виду лишь „безличная сторона историческаго процесса, былъ Рудольфъ Гильфердингъ. [1]) Его поэтому и должно разсматривать, какъ родоначальника новаго „лѣваго ревизіонизма", того новообразованія въ марксизмѣ, которое, можетъ быть, въ концѣ концовъ и выведетъ международную соціаль-демократію изъ трясины созерцательнаго пассиоизма на широкую дорогу творческаго активизма.

Гильфердингскій анализъ современнаго капитализма нанесъ смертельный ударъ всей соціальной концепціи традиціоннаго марксизма и тѣмъ самымъ поставилъ новыя вѣхи международной рабочей политикѣ.

Капитализмъ, по точнымъ и несомнѣннымъ даннымъ автора «финансоваго капитала», не только не собирается ложиться въ гробъ въ силу внутренней дряхлости, но мощно развивается, прекрасно справляясь со всѣми своими „внутренними противорѣчіями", пользуясь иногда даже «противорѣчіями» рабочаго движенія.

Въ своемъ мощномъ устремленіи капитализмъ давно вырвался за предѣлы національныхъ отечествъ; началъ хозяйничать на всемъ земномъ шарѣ, создавая все новые и новые источники нетрудовой прибыли, накопляя въ рукахъ своихъ естественныхъ хозяевъ неслыханныя, сказочныя богатства. Передъ лицомъ такихъ соблазнительныхъ перспективъ „законы" внутренней конкуренціи начали медленно терять свою силу, преодолѣваясь волей буржуазіи къ организаціи въ государственныхъ рамкахъ въ цѣляхъ планомѣрной и „полюбовной" эксплуатаціи и уравнительнаго распредѣленія „накопленнаго" между членами трестовъ, синдикатовъ, акціонерныхъ компаній etc. Это оказывалось крайне выгоднымъ въ предѣлахъ національнаго хозяйства, ибо притупляло одну изъ самыхъ заостренныхъ сторонъ капитализма: его *индивидуально анархическую* природу; это оказывалось абсолютно неизбѣжнымъ въ предѣлахъ международнаго хозяйства, ибо давало громадныя преимущества буржуазіи той страны, которая оказывалась болѣе организованной и спаянной

Наконецъ самъ т. н. „*промышленный капитализмъ*", который былъ знакомъ Марксу и которому онъ предсказывалъ печальный конецъ самоуничтоженія, началъ замѣтно отходить на задній планъ, уступая мѣсто слѣдующей стадіи: торговому и кредитному капитализму. Эпоха промышленнаго капитализма оказалась въ странахъ высокой экономической структуры почти пройденной: въ свои права входилъ—употребляя принятый сейчасъ „terminus technicus" —*финансовый капитализмъ*. Онъ вступалъ на арену подъ знакомъ преодолѣнія анархо-индивидуалистическаго характера національныхъ хозяйствъ, постепеннаго вытѣсненія „суверенной воли" отдѣльныхъ капиталистовъ и утвержденія, въ конечномъ счетѣ, коллективной воли организованной, регулирующей производство—буржуазіи.

Буржуазія въ національныхъ рамкахъ, какъ бы склоняется къ заключенію своеобразнаго „гражданскаго мира", чтобы общими силами ринуться противъ опасныхъ иноземныхъ конкурентовъ на международномъ рынкѣ, чтобы скорѣе присосаться *своими* щупальцами къ тѣламъ мало или совсѣмъ непріобщенныхъ къ современной культурѣ народовъ.

Въ такомъ перенесеніи центра тяжести изъ внутри—государственныхъ рамокъ во „внѣ" связь буржуазіи съ государствомъ, естественно, становится

---

[1]) Главная работа его: *Rudolf Hilferding*, Das Finanzkapital, Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus, Max-Stud., Bd. 3, Wien 1910.

все тѣснѣе и тѣснѣе и пріобрѣтаетъ вполнѣ органическій характеръ. Политика захватовъ и покореній, къ которой всегда были склонны сильныя государственныя тѣла, получаетъ въ эту эпоху каинову печать политики *имперіалистской*.

Но что самое печальное съ точки зрѣнія судебъ демократіи—это то, что въ процессѣ развитія капитализма въ указанномъ направленіи крѣпнетъ, вначалѣ едва замѣтная сила зависимости *національнаго* труда отъ *національнаго* капитала; создается какая то противоестественная тяга другъ къ другу двухъ полярныхъ соціальныхъ полюса: рождается то умонастроеніе въ средѣ рабочаго класса, которое въ моменты суровыхъ испытаній, расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ соціалъ-имперіализма.

Энгельсъ уже въ 1885 г. отмѣтилъ наличность нѣкоторой заинтересованности въ монопольномъ положеніи Англіи и у англійскаго рабочаго класса, которому, „время отъ времени кое-что перепадаетъ“ [1]) отъ своей буржуазіи. Но онъ считалъ это явленіе *временнымъ* и типичнымъ только для Англіи. Въ дѣйствительности же на лицо была весьма живучая *тенденція* всякаго развитого капитализма, тенденція, которая быстро сказалась и на континентѣ, какъ только капитализмъ миновалъ здѣсь дѣтскую стадію своего развитія и зашагалъ твердой, увѣренной поступью. Богатѣвшая европейская буржуазія, какъ и англійская мало склонна была безъ нужды обострять и такъ не идиллическія отношенія съ рабочимъ классомъ и время отъ времени бросала ему полуобглоданную кость изъ своей богатой добычи.

Объективный ходъ капиталистической эволюціи поставилъ, такимъ образомъ, крестъ надъ всей марксистской концепціей саморазрушенія («Zusammenbruchstheorie“), „Научный“ прогнозъ, который, незаслуженно занялъ почти центральное мѣсто въ міровоззрѣніи соціаль-демократіи, которымъ гордились марксисты всѣхъ временъ и народовъ, въ которомъ видѣли свой отличительный признакъ отъ «утопическихъ» соціалистовъ типа Жореса и русскихъ „субъективистовъ“,—этотъ прогнозъ оказался, къ сожалѣнію, вредной, неоправдавшейся *гипотезой*.

„Въ финансовомъ капитализмѣ —говоритъ Руд. Гильфердингъ—я пытался доказать, что такъ называемая „теорія экономическаго саморазрушенія“ (ökonomische Zusammenbruchstheorie), которая несомнѣнно долгое время занимала господствующее мѣсто въ міровоззрѣніи нѣкоторыхъ теоретиковъ,—есть *Nonsens*. Экономическаго самоубійства, самоуничтоженія капитализма, котораго долженъ якобы ожидать пролетаріатъ, чтобы реализовать соціализмъ,—не существуетъ. *Теорія саморазрушенія не вѣрна въ самой своей основѣ*“ [2]). Марксъ въ свое время видѣлъ—и могъ видѣть—лишь революціонныя тенденціи капитализма. Онъ не дооцѣнилъ, а вмѣстѣ съ нимъ долгое время и всѣ мы, способности капитализма приспособить саму борьбу рабочаго класса: его политическое и профессіональное движеніе“ [3]). Другими словами: Марксъ не дооцѣнилъ *разрушительныхъ* сторонъ капитализма, незаконно подсунулъ, считая лишь „активъ“ стихійному, ирраціональному процессу хозяйственной эволюціи свое *субъективное* устремленіе, свой общественный идеалъ.

Сейчасъ, когда мы выброшены на почти безлюдный островъ, когда видна лишь мертвая зыбь надъ безславно погибшимъ Вторымъ Интернаціоналомъ,—сейчасъ это элементарно ясно и многіе „прозрѣли“. „Мы ничего опредѣленнаго не знаемъ, говорилъ Роландъ Гольстъ, нигдѣ мы не видимъ предвѣстниковъ восходящаго солнца. Лишь одно извѣстно съ абсолютной точностью: война заколе-

---

[1]) «Neue Zeit» 1885, III, S. 245.

[2]) *R. Hilferding* „Historizche Notwendigkeit u. notwendige Politik“, Der Kampf № 5, 1915, S. 210.

[3]) Указ.

бала основы нашихъ ожиданій. Та скала, на которой мы воздвигали свое зданіе: интернаціональная солидарность труда—разрушена. Грозный катализъ (Kladdera datsch), который занималъ крупное мѣсто въ сознаніи многихъ изъ насъ,—неожиданно пришелъ... Но первое—и до сихъ поръ единственное!—что дѣйствительно разсыпалось—это пролетарское единство" [1]).

„Капиталистическое общество, какъ его пережилъ и описалъ Марксъ, говоритъ извѣстный австрійскій марксистъ Карлъ Реннеръ, въ такомъ видѣ больше не существуетъ! Нужно все строить заново: заново изслѣдовать и группировать факты... Не старое нужно сейчасъ ревизировать и группировать, а создавать новое" [2]).

Даже Каутскій уже не произноситъ туманныхъ словъ на счетъ „опредѣлимости", „лишь общей неопредѣлимости", а категорически заявляетъ, что не ждетъ больше побѣды соціализма отъ саморазрушенія капитализма. Больше того, сдѣлавъ покаянное признаніе, что и онъ грѣшный долгое время заблуждался, Каутскій, ретроспективно склоненъ думать, что уже въ „коммунистическомъ манифестѣ" удареніе сдѣлано не наизбѣжности соціализма въ силу внутренней динамики капиталистическаго развитія, а на завоеваніи его демократіей. „Всегда, говорилъ онъ, начиная съ коммунистическаго манифеста, ожиданія соціализма связывались съ политическимъ дѣйствіемъ, а не съ умѣющей наступить катастрофой капиталистическаго способа производства" [3]).

Всякій, кто помнитъ содержаніе „коммунистическаго манифеста", знаетъ, что этотъ историческій документъ, больше чѣмъ любое произведеніе Маркса и Энгельса пропитано духомъ *объективнаго телеологизма* и исключаетъ всякую возможность иного толкованія. Тѣмъ не менѣе привлеченіе Каутскимъ въ свидѣтели Маркса и Энгельса, есть несомнѣнно отрадное явленіе. Оно ясно показываетъ, что, наконецъ, и Каутскій собирается навсегда распроститься съ оптимистически-фаталистической теоріей соціальной эволюціи и готовится къ пересмотру писаній „отцовъ церкви» въ новой перспективѣ. Удастся ли ему лично удовлетворительно разрѣшить такую задачу - вопросъ второстепенный Важна сознанная необходимость, важно признаніе, что «не все благополучно въ Датскомъ Королевствѣ» .

Впрочемъ, такія признанія сыплются, какъ изъ рога изобилія. Знамя возстанія противъ „лжеученій" прошлаго, особенно противъ тѣхъ построеній, на которыхъ длительно опирались умственная инерція и политическая пассивность, понято съ разныхъ концовъ. И дѣло не мѣняется отъ того, что многіе, почти всѣ повстанцы упорно рекомендуютъ себя марксистами, претендуютъ на то, что именно они представляютъ марксистскій методъ въ чистомъ видѣ. Марксизмъ, какъ всякая большая система, вмиталъ въ себя самыя разныя, порой гетерогенные элементы, и все зависитъ отъ того, какъ его „интерпретировать". Достаточно допустить такую вольность, какую допустилъ, напримѣръ, Гортеръ, заявивъ, что „по Марксу если его хорошо понимать (!), *духъ* является самымъ могучимъ *экономическимъ* факторомъ, который... образуетъ, создаетъ общественныя формы" [4]), чтобы многое въ традиціонныхъ представленіяхъ существенно измѣнить!

До сихъ поръ вся интерпретація шла въ сторону подчеркиванія центральнаго мѣста доктрины, той стороны ученія, въ которой видѣли квинтъ-эсенцію „научности": въ аналогіи эволюціи соціальныхъ аггрегатовъ съ эволюціей мертвой природы. До сихъ поръ для марксистовъ были святыми слова русскаго

---

[1]) Henriette Roland—Holst, Het Sozialistisch proletariaat en de vrede, Amsterdam, I. I. Bos, S. 4.

[2]) *Karl Renner*, Probleme des Marxisuns, Kampf. April, 1916.

[3]) «Neue Zeit», 1915, N. 8, S. 267.

[4]) *Herman Gorter*, Указ. Стр. 103.

критика: „Марксъ разсматриваетъ общественное движеніе, какъ естественно историческій процессъ, направляемый законами, которые не только не зависятъ отъ воли, сознанія и цѣлей людей, но какъ разъ наоборотъ—сами опредѣляютъ ихъ волю, сознаніе и цѣли"—слова подъ которыми обѣими руками подписался затѣмъ самъ Марксъ [1]).

Теперь марксистъ Гильфердингъ утверждаетъ, что „контръ-революціонное вліяніе рабочаго движенія (имѣется въ виду „реформизмъ".—Б. К.) ослабилъ революціонныя тенденціи капитализма" [2]) и навѣрно былъ бы очень удивленъ, если бы ему сказали, что онъ всю соціальную философію Маркса поставилъ вверхъ ногами. Теперь *Каутскій* заявляетъ, что „самыя благопріятныя экономическія предпосылки для осуществленія соціалистическаго строя *не помогаютъ*, если нѣтъ людей, желающихъ и способныхъ ими завладѣть и ихъ использовать. Пролетаріатъ максимально заинтерезованъ сдѣлать это, *но этого одного недостаточно*, поскольку онъ не осозналъ такой необходимости" [3],—заявляетъ и не сознаетъ,—а можетъ не сознается,—что это „немного" противорѣчитъ взгляду на *экономическіе законы*, которые всецѣло „опредѣляютъ волю, сознаніе и цѣли людей", не сознаетъ,—или не сознается,—что здѣсь наряду съ классовымъ интересомъ выдвигается какъ „непроизводная", самостоятельная сила, обусловливающая наступленіе соціализма, наличность классоваго идеализма. „Я считаю,—гов. онъ дальше,—что *объективныя* предпосылки соціализма въ капиталистическихъ странахъ уже даны. Другое дѣло—субъективныя предпосылки, онѣ посложнѣе, ихъ нельзя установить статистически, онѣ вносятъ большую неясность въ вопросъ объ исторической зрѣлости соціализма" [4]).

Отсылая въ архивъ всю концепцію „Zusammenbruch'a", отвергая такимъ образомъ *объективную экономическую* неизбѣжность соціализма,—лѣвый ревизіонизмъ, естественно, вынуждался сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, дабы не попасть изъ огня да въ полымя: не перескочить изъ лучезарнаго, но неосновательнаго оптимизма въ мрачный, но столь же мало основательный, пессимизмъ.

Онъ долженъ былъ пересмотрѣть понятіе *„необходимости"* въ примѣненіи его къ творческому процессу историческаго бытія съ тѣмъ, чтобы освободить соціалистическую практику отъ печальной миссіи добровольнаго прислужника у всесильнаго владыки: стихійной эволюціи.

Покуда стихійная эволюція многимъ рисовалась въ радужныхъ краскахъ семимильнаго шаганія къ вратамъ царства свободы, до той поры можно было считать солидной заслугой и признакомъ большой „учености", если соціальдемократія, говоря словами Г. Плеханова, „не опирается ни на какой-нибудь новый анализъ человѣческой природы, ни на какой-нибудь абстрактный принципъ, а на съ *естественно-научной точностью* констатируемую экономическую необходимость" [5]).

Но когда въ экономическую *необходимость* соціализма, какъ неизбѣжнаго слѣдствія взрыва накопленныхъ въ нѣдрахъ современнаго общества противорѣчій, ни одинъ серьезный человѣкъ уже не вѣритъ; когда капитализмъ, благополучно преодолѣвъ тысячу и одно препятствіе, вышелъ на столбовую дорогу имперіализма; когда въ отдаленной перспективѣ уже намѣчаются контуры мрачнаго „сверхъ-имперіалистскаго" чудовища,—какъ одна изъ возможныхъ „необходимостей",—тогда гордиться своей покорностью „объективно-неизбѣжному" не приходится. Тогда приходится—съ нѣкоторымъ запозданіемъ—призадуматься

---

[1]) Цитата взята нами изъ 2-го изд. 1-го т. капит. (на нѣм.) и т. образ. переведена нами вновь на русскій языкъ.

[2]) *R. Gilferding*, Arbeitsgemeinschaft der Klassen «Der Kampf 1915, № 16, S. 32».

[3]) *K. Kautsky*, Zwei Schritten usw., N. Z., 1915, Nr. 5, S. 142.

[4]) Указ.

[5]) *Plechanoff*, Anarchismus u Sozialismus, Berlin 1894, S. 813.

надъ тѣмъ, есть ли вообще такая „объективная“ естественно-научно установленная, независимая отъ живыхъ агентовъ историческаго процесса „необходимость“; не праздная ли это выдумка тѣхъ, кто упрощенно смотритъ на будущее сквозь тѣ же очки, что и на прошлое: тѣхъ кто не видитъ границъ человѣческаго познанія: не сознаетъ безсилія его учесть несмѣтное количество факторовъ настоящаго, ведущаго къ будущему; не видитъ слитности, монистичности соціальнаго процесса, гдѣ экономическое и идеологическое, стихійно безсознательное и разумно волевое причудливо переплетается въ одинъ сложный узелъ, рождаетъ не сумму отдѣльныхъ звуковъ, а органически слитную гамму.

„Абсолютная увѣренность, что будущее будетъ именно такимъ, какимъ мы его себѣ представляемъ, могла бы родиться у насъ лишь тогда, когда мы могли бы познать всѣ, исторически уже созрѣвшія и опредѣляющія будущее причины. Но такъ какъ такое познаніе не дано ни одному смертному, то мы можемъ необходимое теченіе событій въ будущемъ устанавливать лишь съ большей или меньшей дозой точности. *Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ увѣренностью*, а съ возможностями и вѣроятностями“.

Эта цитата взята нами не у Жореса, не у Лаврова или Михайловскаго, а у... Карла Каутскаго! Ему же принадлежитъ и слѣдующее, хотя и весьма элементарное, но крайне еретическое въ устахъ правовѣрнаго марксиста размышленіе: „понятіе необходимости имѣетъ значеніе (gilt) только для наблюдателя, но не для дѣйствующей личности; оно создано опытомъ, т.-е. анализомъ *прошлаго*; настоящее же, которымъ живетъ человѣкъ, образуетъ демаркаціонную линію между прошлымъ и будущимъ—этими въ значительной степени разными, мірами“ [1]).

То же самое заявляетъ и Гильфердингъ, возражая противъ тезиса Кунова гласящаго (вполнѣ въ духѣ ортодоксальнаго марксизма!): „die Geschichte hat immer Recht“, или какъ въ другомъ мѣстѣ у него сказано: «исторія всегда права въ тяжбѣ съ идеологіей».—Гильфердингъ по этому поводу пишетъ: „исторія съ этого момента дѣлается „неправой“, т.-е. не имѣетъ болѣе права на существованіе, съ какого мы не просто созерцаемъ міръ, а хотимъ его измѣнить. Съ этого момента исторія перестаетъ быть объектомъ нашего наблюденія и становится точкой опоры для нашего дѣйствія. Законъ нашего поведенія, если мы только не хотимъ быть историческими объектами воздѣйствія другихъ, а хотимъ и въ силахъ сами дѣйствовать, долженъ гласить: исторія неправа, а права наша политика“ [2]).

Болѣе подробно на этомъ вопросѣ остановился Максъ Адлеръ. „Раньше всего—гов. онъ—нужно остерегаться того, какъ бы опять не попасть во власть представленія, будто соціальное развитіе идетъ по какимъ то надъ нами стоящимъ законамъ, вродѣ “судьбы“, неудержимо правящей человѣкомъ... Соціальное развитіе не фатумъ для людей, а въ большей мѣрѣ ихъ *произведеніе*“ [3]). «Поэтому для рабочаго класса, какъ дѣйствующей исторической личности кардинальной важности вопросомъ является не то, куда вообще идетъ развитіе—вопросъ теоретическаго значенія!—а то, *что необходимо* рабочему классу *сдѣлать* для осуществленія поставленныхъ себѣ цѣлей, что необходимо для его развитія» [4]). Ложное примѣненіе матеріалистическаго взгляда на исторію заключалось, по мнѣнію Адлера, въ томъ, „*что считалось достаточнымъ доказать экономическую необходимость какого-нибудь явленія, чтобы тѣмъ самымъ объявить его необходимостью и для соціализма*“ [5]).

---

[1]) *K. Kautsky*, N. Z., 1915. № 2, S. 113.
[2]) *Hilferding*, Hist. Not, u. s. w. S. 209.
[3]) *Max Adler*, «Was ist Notwendigkeit der Entwicklung, «Der Kampf» № 4, S. 174.
[4]) Указ. Стр. 175.
[5]) Указ. Стр. 176.

Эта «ошибка», которой суждено было занять мѣсто *руководящаго* принципа въ марксистской политикѣ, сыграла роковую роль въ судьбахъ Второго Интернаціонала. Въ ложномъ „ошибочномъ", какъ выразился М. Адлеръ, пониманіи фактора историческаго развитія; въ некритическомъ перенесеніи понятія естественно-научной необходимости на принципіально иную почву: исторію; въ смѣшеніи „генеральной казуальности", которую знаетъ естествознаніе съ *„индивидуальной казуальностью"*, которою оперируетъ въ первую голову историческая наука; въ отсутствіи критическаго, стоящаго на высотѣ современнаго знанія, представленія о возможностяхъ примѣненія универсальнаго детерминизма съ *динамическимъ* взглядомъ на историческую эволюцію: въ архаическомъ „историческомъ матеріализмѣ"—вотъ гдѣ нужно искать причины идеологическаго кризиса марксизма.

„Это старая ошибка соціалистовъ—говорилъ въ pendent Адлеру Гельфердингъ—многое, что соотвѣтствуетъ извѣстной ступени капитализма и наличнымъ и этой фазѣ соотношеніямъ силъ разныхъ классовъ, считать „исторической необходимостью", хотя бы въ томъ смыслѣ, что въ предѣлахъ капитализма оно неизмѣнно. Чего уже намъ только не предподносили подъ соусомъ „исторической необходимости"!. „Въ дѣйствительности это воззрѣніе покоится только на томъ, что какую-нибудь тенденцію капитализма надѣляютъ абсолютными свойствами (verabsolutiert) и совершенно игнорируютъ обратныя тенденціи—пусть самого капитализма, пусть пролетаріата" [1])

„Забываютъ, что какъ разъ то и характеризуетъ историческая необходимость, что она *трансисторическая*, переходящая".

Въ перспективѣ такого пересмотра понятія „исторической необходимости" видна уже и возможность правильнаго подхожденія къ вопросу объ исторической природѣ имперіализма.

„Имперіалистическая фаза капитализма является, конечно, говоритъ Адлеръ,—исторической категоріей, но она репрезентируетъ лишь одну сторону соціальнаго развитія въ цѣломъ, есть лишь кусокъ ея, или, говоря въ субъективныхъ терминахъ (Subjektis gewährtet): лишь опредѣленное волевое напряженіе, которому противостоитъ—(вѣрнѣе было бы пока сказать: должно противостоять. Б. К.) такое же волевое напряженіе пролетаріата, но въ діаметрально противоположномъ направленіи.".

„Только потому имперіализмъ могъ стать изъ обыкновенной исторической категоріи *историческимъ фатумомъ* развитія, то другая историческая категорія: цѣлесознательная, классовая противоположность и сознательность пролетаріата забыла и уничтожила себя, какъ факторъ этого самаго развитія, уничтожила въ какомъ-то фетишискомъ преклоненіи передъ эволюціонной необходимостью" [2])

„Фетишиское преклоненіе передъ эволюціонной необходимостью"! Въ этихъ словахъ дана довольно точная характеристика тѣхъ ошибокъ, которыя до послѣдняго времени составляли почти правила и норму поведенія марксисткихъ теоретиковъ.

Подъ флагомъ этихъ ошибокъ, главнымъ образомъ, велась марксистами компанія противъ всѣхъ „инако мыслящихъ" во всѣхъ странахъ свѣта: подъ знакомъ этихъ „ошибокъ" въ частности, Гедъ и Самба боролись съ молодымъ, полнымъ силъ и задора французскимъ синдикализмомъ; подъ знакомъ этихъ „ошибокъ" велъ Плехановъ молодое поколѣніе русскихъ марксистовъ въ атаку противъ критическаго народничества. Объ эти же ошибки, такова жестокая логика заблужденій, суждено было окончательно разбиться шедшему подъ идейной гегемоніей марксизма—Второму Интернаціоналу.

---

[1]) *R. Hilferding*, D. *Kampf*, № 5, Hist. Notw. u. s. w. S. 212.
[2]) *M. Adler*, Указ. Стр. 176.

„Теореетически, говоритъ Гельфердингъ, воззрѣнія Кунова дѣлаютъ изъ марксизма историческую школу, которая все объясняетъ, все понимаетъ и поэтому все прощаетъ; которая становится реакціонной потому, что отказывается изъ познанныхъ законовъ историческаго движенія вывести законы историческаго желанія, дѣйствія и творчества.“ [1])

Гильфердингъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что элементы для превращенія соціально-философской концепціи марксизма въ „реакціонную школу“ заложены въ самомъ марксизмѣ, что надъ этимъ потрудился не одинъ Куновъ, а цѣлое поколѣніе русскихъ теоретиковъ.

VIII.

Перспективы.

Теоретическій пересмотръ идейнаго наслѣдства Маркса и Энгельса, пересмотръ, нашедшій временное свое завершеніе въ „лѣвомъ ревизіонизмѣ“, шелъ, какъ это чаще всего бываетъ, подъ давленіемъ коррегирующей силы фактовъ, нароставшаго истинно-революціоннаго рабочаго движенія. Старая „испробованная“ тактика соціаль-демократіи привела съ первыхъ дней войны къ полному банкротству, къ ликвидаціи рабочаго класса, какъ самостоятельной политической силы: она сдѣлала изъ всѣхъ политическихъ организацій труда механическій придатокъ къ торжествовавшему имперіализму.

И если ревизіонизмъ былъ идеологическимъ отраженіемъ реальнаго положенія вещей въ динамикѣ рабочаго движенія до войны, то „лѣвый ревизіонизмъ“ теоретически оформлялъ поворотъ сначала небольшихъ слоевъ организованнаго пролетаріата, а затѣмъ все большихъ массъ отъ пассивной, приспособляющейся, безпозвоночной тактики къ тактикѣ активной, рѣшительной, классово революціонной *въ теченіи войны.*

«Лѣвый ревизіонизмъ» — это попытка дать идеологическое обоснованіе тактикѣ соціалистическихъ „меньшинствъ“ во всѣхъ странахъ, втянутыхъ въ кровавую схватку, попытка дать новую теорію новой практикѣ.

Порывая пагубную связь съ имперіалистскими правительствами и имперіалистской буржуазіей, нарушая „священный гражданскій союзъ“, создавая внутренній классовый фронтъ,—интернаціоналистское крыло международнаго соціализма должно было, естественно, порвать и съ той соціальной философіей, которой идейно питалось соціалъ-патріотическое большинство. „Фаталистическій оптимизмъ“ не вязался больше съ кровавой прозой дѣйствительности, гдѣ каждый шагъ впередъ по пути эмансипаціи рабочаго класса покупался тяжкой борьбой и жертвами съ враждебной революціонному соціализму стихіей. Для тѣхъ, кто отказался „пріять“ имперіализмъ и имперіалистическую войну, кто видѣлъ въ нихъ не „естественныя“ слѣдствія торжествующаго капитализма, благополучно завершающаго свою эволюцію къ соціализму, а смертельную угрозу соціализму, — для тѣхъ оказалась совершенно непригодной соціальная теорія Маркса, съ ея приматомъ стихійнаго, ирраціональнаго начала. Для того, чтобы бороться съ имперіализмомъ, попытаться стать ему поперекъ дороги нужно теоретически допускать возможность „вмѣшательства“ въ ходъ исторіи, нужно стоять на точкѣ зрѣнія *динамической соціологіи.*

[1]) Указ.

„Циммервальдъ“ и „Кіенталь“, заложившіе фундаментъ третьему революціонному Интернаціоналу, сознательно отказались отъ разсмотрѣнія теоретическихъ проблемъ и всецѣло ограничились боевыми вопросами порядка дня. Но постановка и главное рѣшеніе этихъ вопросовъ нарушали печальную традицію Второго Интернаціонала и ставили новыя вѣхи международному рабочему движенію, переводя его съ рельсъ оппортюнистическаго приспособленія къ сущему на рельсы творчески революціоннаго строительства во имя должнаго.

Правда, воззванія и тезисы «Циммервальда» и «Кіенталя», особенно перваго, еще дышатъ, еще пронизаны старыми ветхими представленіями господствовавшаго во Второмъ Интернаціоналѣ міровоззрѣнія, но это—послѣдняя дань прошлому. Вмѣстѣ съ ростомъ истинно революціоннаго движенія рабочаго класса, вмѣстѣ съ рѣшительной борьбой съ кровавымъ имперіализмомъ во всѣхъ странахъ будетъ расти и теоретически оформляться то новое, чѣмъ живы и непобѣдимы сейчасъ соціалистическія „меньшинства“ всѣхъ странъ за счетъ традиціоннаго стараго, чѣмъ еще питаются соціалистическія большинства, идущія понынѣ на буксирѣ у всесильнаго капитала. Конечная побѣда—за революціоннымъ творчески созидающимъ соціализмомъ.

До русской революціи въ этомъ еще можно было сомнѣваться. Сейчасъ, какія бы перепитіи не ожидали ее, какіе бы подводные камни не стояли на ея пути, для пессимизма, кажется намъ, нѣтъ мѣста. И если священному огню революціоннаго пожара не суждено перебросится и зажечь весь капиталистическій міръ еще въ дни жестокой, кровавой схватки народовъ, то всѣ данныя за то, что это случится вскорѣ послѣ ликвидаціи войны, когда съ народныхъ тѣлъ спадутъ оковы національно-государственныхъ опасеній, когда разсѣется въ туманѣ прошлаго паническій гипнозъ фронта.

Мы живемъ на перевалѣ двухъ историческихъ эпохъ, и Великая Русская Революція съ ея вполнѣ опредѣлившимся глубокимъ соціальнымъ содержаніемъ —первая зарница грядущаго, свѣтлаго будущаго!